

ЦЕНТР ГЛОБАЛИСТИКИ «СТРАТЕГИЯ XXI»



ГИБРЕССИЯ ПУТИНА. НЕВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ ВОЙН НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ



**Фрагменты исследования
в рамках проекта «Антарес»**

Киев
Март 2016

Гибрессия Путина. Невоенные аспекты войн нового поколения

Фрагменты исследования Центра глобалистики «Стратегия XXI»

в рамках проекта «Антарес»

Руководитель проекта – Михаил Гончар, президент Центра.

«Антарес» * – проект изучения невоенных составляющих войны нового поколения. Прежде всего, но не исключительно, ориентирован на энергетическую сферу – исследование использования энергоресурсов и энергетической инфраструктуры в качестве оружия и как компонента ведения гибридной войны. Критическая энергетическая инфраструктура, риски и угрозы ее функционированию в условиях нелинейной войны, проблематика ее защиты также в эпицентре внимания, как и возможные варианты ее нецелевого использования. В рамках проекта предложен энергоцентричный подход к объяснению феномена неклассических методов ведения войны. Проект основан в 2014 году докладом «Гибридная война в Восточной Европе. Невоенный измерение. Энергетический компонент». Предтечей исследований стал проект Центра 2010 года «Энергетические ресурсы и инфраструктура их доставки: потенциал для непрофильного применения в Европе», поддержанный Офисом связи НАТО в Украине.

Проект «Антарес» дает возможность пазл за пазлом воссоздать картину появления феномена войны нового поколения в виде агрессии гибридного типа России против Украины.

***Антарес - тот, кто противостоит Аресу (Марсу), божеству войны в античном пантеоне**

При финансовой поддержке International Renaissance Foundation.

Высказанные в издании мнения являются авторскими

и не обязательно отражают взгляды IRF



СОДЕРЖАНИЕ

Истоки войны	4
1. Агрессия гибридного типа: новорусский инструментарий на старосоветской основе	9
1.1. Базовые оценки и подходы.	9
1.2. Ложно-целевое программирование.	19
1.3. Краткий экскурс в историю советских гибридных технологий войны	23
2. Гибрессия	28
2.1. ПДСГ-версия гибридной войны	28
2.2. Ретроспектива событийных цепочек	32
2.3. Фальстарт-2009 и Рестарт-2013.	36
2.4. Тайное становится явным	41
3. Резонансные аспекты гибридной войны	45
3.1. Основные признаки подготовки и начала	45
3.2. Некоторые механизмы пресечения и противодействия	47
4. Внешний вектор военно-энергетической экспансии РФ	51
5. Прогрессирующая гибрессия	55
6. О необходимости «принуждения Кремля к миру»	
Энергетический аспект	60

Истоки войны

Война нового поколения. Постсовременная война. Паравойна. Неконвенциональная война. Нелинейная война. Диффузная война. Ползучая война. Сетецентрическая война. Мятеже-война. Прокси-война. Гибридная война. Эти и другие названия, наиболее адекватное из которых все еще продолжает определяться экспертами, отражают различные особенности явления, с которым столкнулась Украина и мир в 2014-м. Независимо от используемой дефиниции, главной особенностью войны стало доминирование невоенных компонентов при решении военных задач. Но как бы она не называлась, ее сущность это не меняет. Это – война. По нашему мнению, термин «гибридная война», все же является наиболее адекватным определением одной из разновидностей более широкого понятия войны нового поколения.

Словосочетание «гибридная война» вошло в широкое употребление в 2014-м, почти через 100 лет после начала Первой мировой войны и 75 лет спустя после начала Второй мировой. Российская империя, а затем Советский Союз были одним из полюсов этих войн. В результате Первой мировой Российская империя распалась, но затем воссоздалась в трансформированном виде СССР. В результате Второй мировой Советская империя укрепилась, расширив сферу своего влияния на Европу. Была еще Холодная война, которую часто называют третьей мировой. Кстати, она во многом имела гибридный характер – «война-не-война». Никто не воевал, как в Первой или во Второй мировой, но периодически в разных частях мира – Корее, Вьетнаме, Кубе, Анголе, Никарагуа, Афганистане происходило столкновение Востока и Запада. Не только идеологическое. Это было гибридное противостояние. С одной стороны, оно было вполне мирным – идеологическая борьба, экономическая конкуренция двух мировых систем – капитализма и социализма. С другой стороны, вооруженным – гонка вооружений, и достаточно кровавым – гибель людей во внутренних гражданских и локальных конфликтах, где за каждой из воюющих сторон стояли либо СССР, либо США. СССР не выдержал Холодной войны. Как и Российская империя после Первой мировой, он распался. Распад оказался гибридным. С одной стороны, Советского Союза не стало как субъекта, но с другой стороны, осталась Россия – уменьшенная копия СССР, унаследовавшая все его порочные свойства.

Следует отметить, что гибридность имманентно присуща советской модели. Собственно, СССР был гибридом. С одной стороны, формально «союз» означает альянс стран, объединившихся, но сохраняющих свой суверенитет. С другой стороны, общеизвестно, что СССР был максимально централизованным, унитарным и тоталитарным государством, где *single voice* означал только мнение Москвы и не предполагал каких-либо других мнений

будь то из Таллина, Тбилиси, Ашхабада, Киева или иной из столиц 14 других «республик-сестер». Лозунги о «мире во всем мире», мирном характере советской системы лились со страниц прессы, радио и телевидения СССР. Это не мешало советскому руководству тайно вести подрывные войны в разных регионах «во имя мира и торжества идей социализма». Гибридность была во всем. Помесь фальши и правды проявлялась везде, начиная с понятия «страна социалистической демократии». Примеров можно приводить много.

«Уралвагонзавод» выпускал не только и не столько вагоны для нужд советских железных дорог. Это было крупнейшее предприятие СССР по производству танков, маскировавшееся под выпуск гражданской продукции. Министерство общего машиностроения, при всем своем очень обобщающем названии, занималось весьма конкретной и узкоцелевой деятельностью – координировало работу предприятий и научно-исследовательских институтов по тематике космоса и ракетно-ядерного оружия. Министерство сельскохозяйственного машиностроения имело в своем составе Научно-исследовательский институт пороховых реактивных снарядов(!), который с 60-х годов известен как Московский институт теплофизики – основной разработчик стратегических и тактических ракетных комплексов СССР. Судостроительный завод «Ленинская кузница», расположенный вдали от моря в Киеве, «ковал» не только рыболовецкие траулеры 502-го и 503-го проектов, но и малые противолодочные корабли проекта 1124М «Альбатрос», тихоходные винты регулируемого шага для советских подводных лодок, используя передовое западное оборудование, тайно приобретенное у врага в обход КОКОМ – Координационного комитета по экспортному контролю (Coordinating Committee for Multilateral Export Controls). Механический факультет Киевского института инженеров гражданской авиации готовил не только кадры для инженерного и летного (бортинженеры) состава гражданского воздушного флота СССР. Параллельно студенты получали высшее военное образование, изучали стратегический бомбардировщик Ту-16 и крылатую самолетную ракету КСР-5 с ядерной боеголовкой в 350 килотонн. Примерно четверть выпуска, ежегодно, получив лейтенантские погоны, отправлялась служить в Военно-воздушные силы и авиацию Военно-морского флота СССР.

Тема гибридности нашла свое отражение в фольклоре советских времен. Ярким творением является анекдот о, выражаясь современным языком, «гибридном тракторе», относящийся к советско-китайскому конфликту за остров Даманский на Амуре: «Китайцы обстреляли мирно пашущий советский трактор. Трактор уничтожил противника ответным огнём и благополучно возвратился на базу». По иронии, В. Путин после сражения под Дебальцево в феврале 2015-го упоминал о «трактористах», которые сражаются с «киевской хунтой».

Себя он к числу «трактористов», разумеется, не относит. Владимир Путин, похоже, уверовал в то, что он является реинкарнацией князя Владимира, крестителя Киевской Руси и одного из сонма князей-собирателей «земель русских». Конечно, все это следует понимать в контексте тезиса о том, что географические и исторические пространства Киевской Руси и советско-российские в кремлевском мировоззрении – тождественны. Они включают в себя исторические территории восточных славян – Украины и Беларуси. Украинцы и белорусы в понимании Кремля – часть «единого народа», конечно же русского, который не раз враги России разъединяли и противопоставляли друг другу. Последний раз это случилось в 1991 году, когда развалили Советский Союз.

По российским представлениям произошел именно развал СССР, а не его распад, как принято считать вне России. Распад – это естественный процесс, а развал – искусственный, специально разработанный для деструкции «великой и могучей страны, занимавшей 1/6 часть суши». При этом игнорируется то, что СССР имел сырьевую экономику, базировавшуюся, преимущественно, на нефтяных доходах, был одним из крупнейших в мире импортеров зерна и продовольствия, имея самые большие в мире территории черноземов, вел тайную войну в Афганистане, поддерживал сомнительные режимы в разных частях света, участвовал в изнурительной для экономики гонке вооружений с Западом, и таким образом, был обречен на коллапс при первом же сколь-нибудь длительном периоде низких цен на нефть, вне зависимости от того, являлось ли это чьими-то кознями или было объективным процессом. Конечно же, в российском представлении это были козни Запада во главе с США при поддержке Ватикана, которые и создали предпосылки для развала СССР.

Советский Союз был уничтожен невоенным способом. Из этого представления проистекало желание нынешнего властелина Кремля восстановить его тоже невоенным путем. Именно этим объясняются многочисленные проекты СССР-2.0 в виде интеграционных конструкторов на постсоветском пространстве – Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз, Таможенный союз. Произошло также пленение иллюзией о некоей исторической миссии России по новому собиранию земель. Следовательно, должны быть собраны под омофором нового мессии – конечно же Владимира II – духовные купели крещения – Херсонесская в Крыму и Днепровская в Киеве.

Невоенные методы восстановления «великой страны» не срабатывали. Каждая из бывших республик СССР избрала свой путь и не собиралась делиться суверенитетом. И снова виною тому стал Запад, который по представлениям Кремля, продолжал экспансию на жизненное пространство России. Запад инкорпорировал в себя Центральную Европу, вторгся в Прибалтику, а затем

втянул в НАТО и ЕС Литву, Латвию и Эстонию. Впоследствии США нацелились на Украину и Грузию, вовлекая их в НАТО.

Россия решила дать отпор. Сначала – констатация краха СССР как величайшей геополитической катастрофы века в 2005 году, затем – речь В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 году с тезисом о неприемлемости и невозможности однополярного мира, в котором США выступает доминирующим игроком. После этого – от слов к делу. Август 2008 года. Грузия. Вторжение. Сработало. Запад проглотил акт агрессии. Брюссель сделал виновным в конфликте жертву – Грузию. России же было предложено партнерство ради модернизации. Результаты превзошли ожидания. Россия окрепла на углеводородных доходах. Запад ослаб из-за финансового кризиса 2008-2009 годов.

Россия при Путине добивается восстановления на международной арене советского *status quo ante*. Однако, этим не исчерпывается круг задач, решаемых путинским режимом. Одна из главных, но прямо не артикулируемых целей России – переформатировать мировую финансовую систему таким образом, чтобы денежные потоки контролировались там, где начинаются ресурсные потоки. Поскольку Россия самая большая и богатая на минеральное сырье страна мира, ресурсные потоки, исходящие из России, должны в нее возвращаться эквивалентными им встречными финансовыми потоками под контролем государства. Путь к переформатированию – через дестабилизацию существующего миропорядка, определяемого Западом и, прежде всего, США. Дестабилизация и управляемый хаос в конкурентных российским сырьевых регионах мира, прежде всего, на Ближнем Востоке, означают высокие цены и максимизацию объемов импорта из стабильной России. Высокие цены на сырье и, особенно, энергоресурсы означают ослабление экономики стран Запада. Слабое звено Запада – Европейский Союз, зависящий от российских поставок энергоресурсов. Оторвать ЕС от США и добиться его распада – своеобразная геополитическая месть России за развал Западом СССР. Такова в общих чертах логика России периода президентства В. Путина.

Сейчас или никогда! Время глобального реванша пришло! СССР был разрушен изнутри, поэтому Запад и его союзники тоже будут разрушаться изнутри. Коррупция – вот универсальный механизм разрушения в современном мире. Кремль понял, что Запад разобщен, как никогда ранее. США увязли в Афганистане, на Ближнем Востоке. Германия доминирует в Европе, зависимой от российских углеводородов. Европейские политики подвержены «эффекту Шредера». Идеальная для В. Путина Европа – это Европа Берлускони, Шредера и Саркози, а не Бильдта, Грибаускайте и братьев Качиньских.

Все это в совокупности свидетельствует о том, что далеко не случайно гибридная война стала основным инструментом российского неоимпериализма. Россия В. Путина, несмотря на пропагандируемое могущество, боится прямого столкновения с Западом, в особенности НАТО, поскольку экономический и военный потенциалы сторон различаются весьма существенно не на пользу Кремля. Это стало причиной избрания модели гибридной войны, как такой, которая по своей сути, отвечает гибридной природе российского государства и одновременно позволяет наносить удар по Западу в способ, который не идентифицируется им как война против него. И в этом смысле гибридная война В. Путину удалась, поскольку даже спустя почти два года, Запад так и не осознал, что, атакуя Украину, избравшую и отстоявшую в борьбе с промосковской клептократией Януковича, европейские ориентиры, Россия наносит удар по Европе. В Брюсселе, Берлине, Париже, Риме так и не понимают, что нынешние московские власти реализуют проект геополитического реинжиниринга евразийского пространства, пытаясь создать гибрид Российской империи и Советского Союза, просторы которого, по замыслу, должны в конечном счете простирались от Владивостока до Лиссабона и от Петербурга до Коломбо.

Рубиконом глобального геополитического реванша Кремля стала агрессия гибридного типа против Украины. Следующий этап – интервенция в Сирию в 2015-м с генерацией миграционных волн из Ближнего Востока в Европу. Эти шаги, взятые к рассмотрению в совокупности, позволяют сделать вывод о мультифронтальных действиях России против Запада и, прежде всего, ЕС, как слабого звена в трансатлантической системе безопасности и сотрудничества.

Предлагаемые фрагменты работы Центра попытка посмотреть на тематику гибридной войны не только как на войну одной страны против другой – России против Украины или на очередную конфронтацию по линии Восток – Запад, но как как на очередной виток эволюции в военном искусстве, таящем угрозы, не меньшие, чем в период холодной войны угроза ядерного Апокалипсиса. Гибридная агрессия – это своеобразная стелс-технология ведения войны, когда источник удара вначале невидим для жертвы и окружающих. Вот и попытаемся рассмотреть эту войну-«невидимку» через энергоцентричный подход, разработанный нами.

1. Гибридная война: новорусский инструментарий на старосоветской основе

1.1. Базовые оценки и подходы

Генерал-майор прусской армии Карл фон Клаузевиц определил войну как продолжение политики иными, насильственными средствами. Очевидно, что политикоцентричный подход к определению войны превалирует и спустя почти два столетия со времени появления в 1832 году его знаменитого трактата «О войне». Этот подход прошел испытание временем и многочисленными войнами, но не является единственно возможным. Война через призму предлагаемого нами энергоцентрического подхода – это модель столкновения двух энергопотенциалов в самом широком их понимании. Он включает человеческий, экономический, военный и прочие компоненты, приведенные к некоему условному энергетическому эквиваленту. **Военный энергопотенциал в нашем понимании – это условный эквивалент суммы имеющихся потенциалов государства, а также затрат и приготовлений, как в материализованном виде (оружие и военная техника, товарно-материальные, мобилизационные, интеллектуальные и прочие ресурсы) и предоставленных услугах (транспорт, связь, обучение, медицина и пр.), так и будущих, предусмотренных планом ведения войны¹.**

Условная формула энергопотенциала линейной войны для страны-инициатора (агрессора) может выглядеть следующим образом:

$$E_w = \Delta E_{pic} + \Delta E_{ext} + \Delta E_{wmd} + \Delta E_{unexp} - \Delta E_{tps} - \Delta E_{int}$$

где:

E_w – суммарный энергопотенциал для ведения войны,

ΔE_{pic} – потенциал приготовления-вторжения-контроля;

ΔE_{ext} – потенциал на преодоление внешней поддержки (если потенциальная жертва имеет соглашения об обороне с третьими сторонами или является членом военного альянса);

ΔE_{wmd} – потенциал нейтрализации ОМП страны-жертвы (если таковое имеется в арсенале) и защиту собственной территории от возможного применения ОМП;

ΔE_{unexp} – дополнительный потенциал нейтрализации непредвиденных факторов;

ΔE_{int} – энергия внутреннего конфликтогенного потенциала страны-жертвы;

¹ Приводимая модель для целей данной публикации является иллюстративной и имеет обобщенный характер. Детализация модели не является целью данной работы.

Центр глобалистики «Стратегия XXI»

ΔE_{tps} – потенциал поддержки агрессора третьими сторонами (союзниками).

Каждый из компонентов этой агрегированной формулы может быть представлен в дезагрегированном виде.

$$\Delta E_{pic} = (E_p + E_i + E_k)$$

E_p – потенциал приготовления (и концентрации);

E_i – потенциал вторжения (и завоевания) территории;

E_c – потенциал контроля (и трансформации) территории.

Каждый из компонентов является функцией от ряда базовых факторов.

$$E_p = f(F_{geo}; F_p; F_{gdp})$$

где:

F_{geo} – фактор размера и особенностей территории объекта агрессии;

F_p – фактор численности населения;

F_{gdp} – фактор ВВП страны-объекта агрессии.

$$E_i = f(F_{AF}; F_{MP}; F_{DI})$$

где:

F_{AF} – фактор численности вооруженных сил;

F_{MP} – фактор мобилизационного потенциала;

F_{DI} – фактор оборонной инфраструктуры.

$$E_k = f(F_r; F_s; F_t)$$

где:

F_r – фактор затрат на преодоление сопротивления на оккупированной территории и поддержания правопорядка;

F_s – фактор затрат на содержание населения оккупированных территорий;

F_t – фактор затрат на трансформацию и абсорбцию страны-жертвы.

Особого внимания в базовой формуле заслуживают два последних компонента – дополнительный потенциал для преодоления действия непредвиденных (непрогнозируемых) факторов и внутренний конфликтогенный потенциал страны-жертвы. Непредвиденные (неучтенные, недоучтенные) факторы всегда имеют место. Как правило, они являются следствием ограниченности и изъянов взятой модели ведения войны. К примеру, план «Барбаросса» молниеносной войны Германского Рейха против Советского Союза недоучел мобилизационный потенциал противника и быстроту его разворачивания, недооценил степень собственных потерь ОиВТ, переоценил логистические возможности вермахта на больших пространствах востока Европы с плохой

транспортной инфраструктурой. Все это привело в совокупности к провалу блицкрига и переходу войны в затяжную фазу, что резко увеличило непредвиденные затраты. К такому сценарию экономика III Рейха не была готова.

Важным является также фактор наличия у агрессора союзников, готовых предоставить ему то или иное содействие в осуществлении агрессии (предоставление контингента вооруженных сил, поставки материально-технических и др. ресурсов). Компонент ΔE_{tps} способен существенно уменьшить необходимые затраты и потенциал для ведения войны агрессором. Например, интервенцию в Чехословакию в 1968 году СССР осуществлял не в одиночку, а вместе с рядом стран-членов Организации Варшавского Договора. В ирано-иракской войне 1980-1988 годов на стороне Ирака были ряд арабских стран Персидского залива, оказывавших ему масштабную финансовую помощь. США делили бремя военных расходов вместе с союзниками, действуя в Ираке, Югославии, Афганистане. Франция привлекла союзников против режима Каддафи в Ливии, а также действуя в Мали.

В классической войне побеждает не обязательно тот, у кого потенциал больше, а тот, кто обеспечивает бóльшую его концентрацию на направлении главного удара, который, как правило, ориентирован на самое уязвимое место противника в его обороне. При этом внезапность нападения имеет во многом определяющую роль для достижения военного успеха.

В гибридной войне все выглядит иным образом. **Ключевую роль играет фактор неопределенности.** Для противника и третьих сторон затруднительно определить и классифицировать происходящее. Достаточно вспомнить достаточно многозначные медийные эвфемизмы «зеленые человечки», «вежливые люди» для обозначения военнотружущих Вооружённых Сил Российской Федерации в военной форме без знаков различия, блокировавших стратегические объекты в Украине на территории Крыма, а также участвовавшие в захватах административных учреждений на востоке Украины.

Крайне важен для дальнейшего понимания глубинной сущности гибридной войны внутренний конфликтогенный потенциал страны-жертвы. Если он является весомым, то тем самым могут быть уменьшены затраты по суммарному потенциалу на ведение войны страной-агрессором. **Сторона-агрессор вместо линейного наращивания своего боевого потенциала и приготовлений к агрессии, может сделать ставку на создание и развитие внутреннего конфликтогенного потенциала в стране-жертве разнообразными методами, не воспринимаемыми ее политиком как проявления агрессивности и приготовлений к захвату.**

Это именно то, что делала Россия в отношении Украины. Формула энергопотенциала для войны против Украины выглядит отлично от базовой формулы. Во-первых, Украина в 1994 году под давлением РФ и США лишила себя ракетно-ядерного потенциала. Таким образом, в базовой формуле $\Delta E_{wmd} = 0$. Никаких дополнительных затрат для агрессора по нейтрализации ОМП страны-жертвы не нужно. Также, с 2010 года, с провозглашением внеблокового статуса, равным нулю стал и потенциал ΔE_{ext} . Украина не стала членом НАТО, не имела каких-либо договоров о совместной обороне, не имела международно-признанного статуса нейтрального государства с соответствующими гарантиями безопасности (по образцу Австрии). Все что она имела – это так называемый Будапештский меморандум, как оказалось, не имеющий в интерпретации стран-гарантов обязывающего характера. Также равен нулю и компонент ΔE_{tps} , поскольку РФ не считала нужным привлекать союзников по ОДКБ.

Таким образом, формула энергопотенциала России для ведения войны против Украины сводится к трем компонентам:

$$E_w = \Delta E_{pic} + \Delta E_{unexp} - \Delta E_{int}$$

Ставка в этой войне сделана не на базовый для классического варианта ведения войны компонент ΔE_{pic} , а на стимулирование и раскрытие внутреннего конфликтного потенциала страны-жертвы ΔE_{int} .

При таком подходе, главным управляющим элементом по ведению войны является не столько генеральный штаб, сколько специальный координационный центр (СКЦ), которому он субординирован и перед которым он отвечает за военный компонент, пока тот не является доминирующим. То есть, до момента пока имеет место война гибридного типа. Как только принимается решение о переходе к ведению войны классического образца, роль генштаба становится базовой. СКЦ является своего рода звеном, напрямую управляющим своим энергопотенциалом и, опосредованно, воздействующим на энергопотенциал противника. В случае гибридной агрессии России против Украины это выглядит таким образом. Активизация военного компонента производится с целью получения тех или иных стратегических преимуществ, загоняющих противника в стратегический тупик (Иловайск – Минск-1, Дебальцево – Минск-2). Параллельно осуществляется не прямое воздействие на противника изнутри, используя возникшие трудности (например, прекращение поставок угля из неконтролируемых центральным правительством территорий с одновременной кампанией по дискредитации импорта недостающих объемов из зарубежных нероссийских источников, что ставит на грань блэкаута энергосистему. Во избежание блэкаута, украинская сторона вынуждена

подписывать невыгодный контракт на поставку электроэнергии и угля из России, что увеличивает степень зависимости Украины от России, в то время, когда Украине необходимо совершенно противоположное – обнуление или минимизация этой зависимости.)

Бывший советник НАТО по вопросам безопасности голландский генерал-майор Франк ван Каппен был одним из первых западных аналитиков, кто назвал события в Украине своими именами. **«Путин ведет в Украине гибридную войну»** - об этом генерал заявил еще 26 апреля 2014 года². Термин «гибридная война» подразумевает широкий спектр враждебных действий по шкале «soft power – hard power», в которых военному компоненту отводится соподчиненная роль по сравнению с другими воздействиями. Главными средствами нанесения урона противнику становятся информационно-психологические, торгово-экономические, финансовые и политико-дипломатические воздействия. Её методы позволяют добиваться ощутимых результатов: дезорганизуют государственную систему управления, наносят противнику территориальный, политический и экономический ущерб, деморализуют общество. Гибридная война не воспринимается как война на начальном этапе. Бывший министр иностранных дел Дании Мартин Лидегаард, еще на раннем этапе войны, в отличие от своих западных коллег, дал достаточно четкую характеристику происходящему: **«... существует новый вид угрозы. Я бы не назвал ее обязательно военной, это гибридная война, где применяются массированная пропаганда, провокации, активизация групп внутри других стран, это не война, но что-то очень враждебное и близкое к войне»**³.

Как уже отмечено выше, гибридная война, подобно классической, является столкновением двух энергопотенциалов. Как и в линейной войне в ней побеждает тот, кто обеспечит бóльшую концентрацию энергии на направлении главного удара.

Но в отличие от линейной войны, первая особенность гибридной войны – это тщательная маскировка военного компонента на начальном этапе, что не позволяет противнику установить факт начала агрессии против него. Пример – оккупация Крыма. Поэтому, атакующая сторона находится в преимущественном положении, поскольку она сконцентрировала свои потенциалы для соответствующих ударов, а противник продолжает пребывать в деконцентрированном состоянии.

Вторая важнейшая особенность – это то, что военный успех обеспечивается минимальным применением вооруженных сил. Это создает иллюзию у противника и третьих сторон – потенциальных союзников противника, что

²<http://www.svoboda.org/content/article/25362031.html>

³<http://www.reuters.com/article/2014/10/27/us-ukraine-crisis-denmark-idUSKBN0IG1XM20141027>

имеет место война низкой интенсивности, не угрожающая не вовлеченным в конфликт сторонам.

Третья особенность – агрессор, минимально используя военный компонент на начальном этапе, максимально работает изнутри противника, углубляя «трещины» и создавая «разломы» в его информационной, политической, экономической и социальной средах и не давая ему возможности мобилизовать свои потенциалы для обороны и ответного удара.

Четвертая особенность состоит в том, что агрессор создает специальную схему «умного энергоменеджмента воздействий», по которой потенциал противника начинает работать на достижение целей агрессора и его собственное ослабление. Яркие примеры – попытки принуждения Украины финансировать оккупированные Россией территории на востоке Донбасса, вхождение российских государственных банков в финансовый сектор с целью инъекции денежных ресурсов.

Пятая особенность – создание иллюзии для третьих сторон о невовлеченности агрессора во «внутренний конфликт», инициирование им собственного миротворчества, склонение третьих сторон к дистанцированию от конфликта, что не даст возможности обороняющейся стороне усилить свой потенциал отпора агрессору. Пример – категорический отказ западных стран предоставить оборонительные системы вооружений Украине и рассматривать предложение Украины о миротворческой миссии ЕС.

Несмотря на все приведенное выше, гибридная война не является изобретением сегодняшнего дня. Одно из определений гибридной войны, принятых в российском экспертном сообществе, указывает на нее, как на механизм расширения потенциала конвенциональной политики: «Гибридная война — это сумма силовых, форсированных действий вкупе с разнообразными средствами, расширяющих возможности конвенциональной политики и применяемых с целью деконструкции нежелательных обстоятельств, подчинения либо деструкции противника»⁴.

В основе российской версии гибридной войны – агрессия, маскируемая под защиту от мнимого нападения. В случае гибридной войны против Украины, агрессор – Россия – представляет себя как жертву политики Запада, вынужденную защищаться от его экспансии на постсоветском пространстве, которое идентифицируется как сфера исключительных интересов агрессора, а Украина как инструмент Запада, продуцирующего и внедряющего «цветные революции». Даже подписание соглашений об ассоциации между ЕС и такими странами как Украина, Молдова и Грузия трактуется как акт агрессии Европы

⁴ http://www.ng.ru/ideas/2015-06-10/5_donbass.html

против России. «Цветные революции» трактуются Кремлем как гибридная война Запада против России в ее сфере интересов. Разумеется, что санкционные действия Запада в отношении РФ после аннексии украинского Крыма и вторжения на Донбасс характеризуются Кремлем как политика сдерживания России. Подтверждением тому, как образное высказывание В. Путина об отношении Запада к России, которое «похоже на стремление посадить медведя на цепь»⁵, так и оценка на заседании коллегии ФСБ 26 марта 2015 года: «Для так называемого сдерживания России используется весь набор средств – от попыток политической изоляции и экономического давления – до масштабной информационной войны и инструментов специальных служб»⁶.

Агрессия гибридного типа (сокращенно – гибрессия) – это комплекс разнородных воздействий на противника регулируемой величины и комбинируемого характера, применяющихся по вариативному алгоритму, где военные средства не являются доминирующими, их применение тщательно маскируется и отрицается, а сам акт агрессии генерирует неопределенности, затрудняющие его идентификацию.

Глубинной сущностью гибридной войны является многомерная направленная полидеструкция, то есть разрушение одним государством другого комплексным комбинируемым применением сил и средств военного и невоенного характера в разных измерениях (политическом, экономическом, военном, гуманитарном и др.), но направленно концентрированных на цели уничтожения противника не только и не столько на поле боя, сколько путем подрыва его жизненных потенциалов прежде всего изнутри при определенных действиях извне.

Последнее является ключевой особенностью в дополнение к пяти описанным выше. Гибридная война начинается не с акта открытого вооруженного вторжения, а действиями агрессора изнутри страны-жертвы, направленными на его внутреннее саморазрушение. Внешние воздействия имеют место быть как вспомогательные. Пропагандистски это маскируется агрессором под гражданский конфликт в стране, которая стала объектом агрессии. Стратегическая цель информационно-пропагандистского сопровождения – генерирование неопределенностей. Это позволяет ввести в заблуждение общественное мнение – навязывать выгодные интерпретации всего происходящего, как продолжения глубокого внутреннего конфликта (гражданской войны). Внешний мир, да и многие граждане в стране-жертве, находящиеся под воздействием враждебной пропаганды, воспринимают именно такую интерпретацию. Яркий пример – оперирование международными институтами, правительствами ведущих стран мира терминами «украинский кризис», «конфликт в Украине» вместо «российская агрессия».

⁵ <http://lenta.ru/news/2014/12/18/putin1/>

⁶ <http://www.kremlin.ru/news/47963>

Поэтому, с учетом этой особенности, следует рассматривать определенную этапность подготовки, ведения и завершения гибридной войны. На примере российской агрессии гибридного типа против Украины схематически это можно изобразить следующим образом:

Этапность гибридной войны РФ против Украины		
00	крипто-война	2003 – 2013 (до 14.08)
01	прокси-фаза	14.08.2013 – 20.02.2014
02	диффузное вторжение ВС РФ в Крым и на восток («зеленые человечки», «вежливые люди»)	20.02.2014 – 12.04.2014
03	военная фаза:	12.04.2014 – 18.02.2015
03.1	латентная инфильтрация	12.04 – 11.07.2014 (начало обстрелов Украины с территории РФ)
03.2	управляемая эскалация	11.07.2014 – 18.02.2015 (Минск-2)
03.3	управляемая деэскалация	постМинск-2, постДебальцево
04	интра-фаза (+ прокси-фаза)	Минск-2 – по настоящее время
05	«миротворческая» операция
00'	управляемая трансформация оккупированной территории	

Крипто-война является отдельным этапом агрессивных действий в неявном виде, война которая не воспринимается как таковая, своего рода недовойна. Она является обязательным этапом, предшествующим последующим, но не является фазой самой гибридной войны. **Крипто-война – это скрытая форма постепенного, систематического и долговременного нанесения ущерба противнику с целью максимального истощения его потенциала к моменту, когда будет принято решение об агрессии классического или гибридного типа.**

А вот прокси-фаза является частью гибридной войны. Она – своего рода кульминация невоенных усилий, предшествующая фазе гибридного вторжения. Прокси-фаза, как правило, непродолжительна – несколько месяцев и является переходной от крипто-войны к агрессии гибридного типа. **Это этап интенсивного использования имеющихся у государства-агрессора невоенных сил и средств против государства-жертвы с целью получения кумулятивного эффекта его поражения, приводящего к дисфункции его экономики и работы государственного аппарата.**

Если прокси-фаза не принесла успеха, далее следует фаза диффузного вторжения – агрессии изнутри, подпитываемой извне государством-

агрессором. Эта и следующая за ней военная фаза – основные этапы гибридной войны. Они должны быть достаточно стремительными (блицкриг), если конфликтогенный потенциал страны-жертвы достаточно «разогрет» в процессе прокси-фазы, а еще ранее она обессилена в ходе крипто-войны. Крымская кампания России станет хрестоматийным примером успеха такой гибридной войны на этапе диффузного вторжения. А проект «Новороссия» – пример краха, когда калька крымской кампании была автоматически наложена на регион, особенности которого были отличными от Крыма. Диффузное вторжение – пролог следующей фазы гибридной войны, с ограниченным применением военного компонента. Диффузное вторжение одновременно генерирует и сопровождается возникновением внутренних очагов напряженности и конфликтов, подготовленных заранее агентурными усилиями, а также провозглашением сепаратистских образований, формирование ими отрядов «самообороны», «народного ополчения» под скрытым руководством прибывших из-за рубежа специалистов в виде «туристов», «добровольцев», «отпускников».

Если диффузное вторжение и применение военного компонента не привело к успеху, то может быть выполнено «переключение фаз». Это происходит в случае краха блицкрига. Собственно, это и произошло на востоке Украины. Включается интра-фаза войны с параллельным возобновлением прокси-фазы. Также запускается некий мирный процесс урегулирования. В нашем случае – Минский процесс. В это время военный компонент минимизируется, а максимизируются невоенные механизмы разрушения страны-жертвы как извне, так и изнутри. Минские договоренности сомнительного юридического характера дали возможность России запустить интра-фазу, с ориентацией как на усиление внутренней конфликтности в Украине вследствие ошибок Киева и реализуемых Москвой дестабилизационных мероприятий, так и на креативный подход по ходу развития событий. Креативный подход в украинском случае обозначен «Минскими договоренностями», которыми агрессор пытается задать следующий алгоритм: федерализация Украины с особым статусом оккупированных территорий – легализация псевдогосударственных образований в правовом поле Украины – внеочередные парламентские выборы, в результате которых пророссийские силы получают как минимум «блокирующий пакет» - проталкивание пророссийской фигуры на должность главы правительства – урезание полномочий главы государства – пересмотр внешней политики с переориентацией на Россию. В результате – трансформация Украины с урезанной территорией в некое подобие УССР.

На случай, если такой алгоритм не срабатывает, предусматривается параллельный сценарий в рамках интра-фазы – это ввод контингента регулярных вооруженных сил под видом миротворческого (если сохранится концептуальный поход продолжения ведения гибридной

войны). Поскольку в стране-жертве с точки зрения страны-агрессора продолжается внутренний конфликт, он нуждается в урегулировании. Учитывая, длительность процедур выработки решения на международном уровне, инициатор «миротворческой операции» может действовать более оперативно ради быстрее разрешения проблемы и недопущения гибели мирного населения.

Завершающим этапом является фаза стабилизации-трансформации. Это переходной этап, когда цели гибридной агрессии достигнуты и задача, которая решается – это окончательно стабилизировать ситуацию на оккупированной территории и трансформировать ее в наиболее оптимальную форму существования в составе страны-оккупанта или сателлитной территории либо нескольких территорий с разным статусом.

Война-«трансформер» – такое сравнение является наиболее подходящим для той разновидности войны нового поколения, которую подготовила и развязала Россия против Украины и Хельсинкского статус-кво миропорядка. Если взять символические российские образы, то ее можно назвать войной-«матрешкой». Она, как и классическая война, включает в себя военный компонент, который спрятан глубоко внутри, а снаружи находятся другие – невоенные – оболочки, что и позволяет вначале не идентифицировать гибридную войну, как войну классическую. Комплекс гибридной войны включает в себя воздействия, характерные для традиционной войны:

- информационно-пропагандистские;
- разведывательно-диверсионно-партизанские;
- применение регулярных частей и высокоточного оружия для боевых действий;
- ограниченное применение тактического ядерного оружия.

Внешнее отличие нелинейной войны состоит в том, что на начальном этапе невоенные воздействия превалирует перед военными или, даже, отсутствуют. Оказываемые на противника воздействия могут варьироваться верховным командованием по алгоритму, который тоже может изменяться по ходу. Вариабельный характер воздействий, которые к тому же могут комбинироваться в разных пропорциях – отличительная черта войны нового поколения. Сценарий гибридной войны может создаваться по ходу самой войны. Поэтому, **тактика здесь превалирует над стратегией**. Тот факт, что В. Путину многие эксперты и политики, включая президента США Б. Обаму, дали характеристику хорошего тактика, но плохого стратега, как раз свидетельствует об этой особенности ведения гибридной войны. Тактика в гибридной войне выдвигается на передний план. Стратегия закладывается и реализуется с помощью иного инструментария. Поэтому, отдельно следует остановиться на так называемом «организационном оружии».

1.2. Ложно-целевое программирование

Термин «организационное оружие» (оргоружие) использован в советское время разработчиками систем организационного управления Спартакон Никаноровым и, позже, Сергеем Солнцевым, хотя не они его авторы. Они занимались прикладными исследованиями вопросов «организации организаций», «управления системами управления», «генетического проектирования» систем управления, как в советский период, так и в постсоветской России. Суть оргоружия состоит в применении «системы организационных (согласованных по целям, месту и времени разведывательных, пропагандистских, психологических, информационных и др.) воздействий на противника, заставляющих его двигаться в необходимом для противной стороны русле»⁷. В одном из докладов пропутинскому Изборскому клубу отмечается: «С его помощью можно направить политику противника в стратегический тупик, измотать его экономику неэффективными (непосильными) программами, затормозить развитие вооружений, исказить основы национальной культуры, создать среди части населения "пятую колонну". В итоге в государстве возникает обстановка внутривластного, экономического, психологического хаоса».⁸



Классический пример одной из технологий управления организованной массой: 15 марта 2014 года в Москве прошел «мариш мира», где митингующие призывали к формированию «организованного гражданского сопротивления», чтобы не допустить ошибок «братьев из Украины». Участники шли под барабанный бой с флагами, на которых был изображен герб СССР. Отличительная особенность – участники мужчины спортивной внешности 25-40 лет, сотрудники спецслужб, либо участвующие за деньги и красные курточки в подарок.

<http://yablor.ru/blogs/marsh-mira-v-moskve/4267639>

⁷ <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/>

⁸ <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/>

Наработки С. Никанорова и С. Солнцева для Министерства обороны и Генерального штаба РФ в разные годы – краеугольный камень российских концептуальных подходов к ведению гибридных войн. Уже упомянутый доклад Изборскому клубу содержит емкую характеристику оргоружия: *«Фактически – организационное оружие есть способ активации патологической системы внутри функциональной системы государства-мишени, при котором патологическая система для своего развития поглощает ресурсы носителя. Характерной особенностью патологической системы (применения организационного оружия) является то, что она воздействует на функциональную систему общества, в первую очередь, «извне», с иерархически «вышележащего» (властного) уровня системной организации. Кроме того, применение организационного оружия «не всегда заметно» для традиционных форм научного наблюдения и «непонятно» в рамках традиционной логики обыденного познания. Деструкция, как действие организационного оружия, направлена на достижение результатов, находящихся в «системе ценностей» инициатора применения данного оружия. Одно из основных условий применения организационного оружия – замена системы базовых ценностей государства-мишени ценностями государства-инициатора как самыми перспективными». То есть, патология, незаметно внедренная в государственный организм страны-жертвы страной-агрессором, отключает его иммунную систему (система национальной безопасности) и перепрограммирует ее функционирование по алгоритму, когда она не идентифицирует угрозы жизни организму и не борется с ними.*

Поэтому оргоружию можно дать и другое название, которое более адекватно отражает его глубинную сущность – **ложно-целевое программирование** (ЛЦП). Страна-агрессор заблаговременно создает и задает в своих отношениях со стороной-жертвой ложные программные установки, реализация которых приводит к усилению ее позиций и ослаблению позиций противника. Противник (будущая жертва) не воспринимает эти программные установки как опасные для него, потому что они выглядят нейтральными или такими, что базируются на универсальных ценностях.

Пример. Программный тезис о развитии экономического сотрудничества между Россией и Украиной. Звучит стандартно, нейтрально, универсально. Подобный тезис присутствует в отношениях между разными странами, к развитию экономического сотрудничества стремятся все. Такая программная установка априори не только не воспринимается критично, а наоборот – всячески поддерживается будущей жертвой. СМИ обеих стран всячески пропагандируют ее. Вот две медиа-иллюстрации: «Азаров: у экономического сотрудничества Украины с РФ нет альтернативы»⁹, «Янукович обратил внимание на важность дальнейшего развития украино-российского торгово-экономического

⁹ http://ria.ru/trend/new_relationship_between_russia_ukraine_25032010/

сотрудничества»¹⁰. Однако, при этом, российская сторона предлагает отличный от украинского видения формат сотрудничества, который предполагает включение Украины в проекты реинтеграции постсоветского пространства. "Убежден, новые возможности для участников экономической жизни, для бизнеса наших стран открыло бы и более активное подключение Украины к многосторонним интеграционным процессам, прежде всего, конечно, к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству", - заявил В. Путин перед началом заседания комитета по вопросам экономического сотрудничества российско-украинской межгосударственной комиссии 7 июня 2011 года¹¹.

Всякий раз при встречах высокого уровня стороны с пафосом называли высокие цифры двусторонней торговли, как индикатор успеха экономического сотрудничества. Но реалии являются совершенно другими. Во-первых, эти отношения асимметричны по причине разницы экономических потенциалов сторон и отличия экономик. Во-вторых, удельный вес сторон в общем объеме внешней торговли друг друга отличается кратно – на Украину приходилось в среднем 5-6% внешнеторгового оборота России, в то время, как РФ занимала до 25-30% во внешней торговле Украины, что привело к эффекту разнопорядковой взаимной зависимости. В-третьих, сальдо внешней торговли всегда положительное для страны-агрессора и всегда негативное для страны-жертвы. В-четвертых, структура торгового оборота трансформировалось все больше с учетом интересов страны-агрессора. В этом случае – с перекосом в сторону увеличивающегося объема закупок энергоресурсов, что становилось все более обременительным для страны-жертвы, а также привело к усилению ее зависимости, возникновению долговых проблем и т.п. В-пятых, формируется запрос на увеличение импорта дорогих энергоресурсов (природный газ), что дает положительный эффект для агрессора и негативный эффект для жертвы, увеличивая энергоемкость ВВП и бóльшую зависимость от поставщика. В целом для Украины динамично нарастало негативное сальдо платежного баланса в экономических отношениях с РФ: 2010 г. - \$3,0 млрд, \$10,2 млрд, \$14,3 млрд, \$16,5 млрд.¹²

Таким образом, **кажу́щаяся** правильной программная установка на развитие экономического сотрудничества, приводит к стратегически уязвимому положению экономики страны-жертвы в случае принятия противником решения об агрессии – экономика зависима, ослаблена высокими ценами на импорт энергоресурсов и долговыми проблемами в отношениях со страной-агрессором, не способна к быстрой переориентации на другие рынки и т.п.

¹⁰ <http://ru.tsn.ua/ukrayina/yanukovich-rasskazal-novomu-poslu-kak-nuzhno-druzhit-s-rossiey.html>

¹¹ <http://rus.newsru.ua/finance/07jun2011/agaz.html>

¹² http://www.niss.gov.ua/public/File/2016_book/Verstka_RNBO.indd.pdf

Примером ЛЦП в международном измерении является «мирный процесс» в Минске. Он инициирован кремлевским программным меседжем после начала «кризиса на востоке Украины»: *«Украине и Донбассу нужен мирный диалог»*. Поскольку мир является универсальной ценностью, а диалог универсальным и, по сути, безальтернативным инструментом западных демократий, предполагается получение вполне прогнозируемых ответов из Киева, Брюсселя и Вашингтона. Встречные меседжи фактически были запрограммированы. Из Брюсселя и других столиц ЕС донеслось: «Военного решения не существует». Из Киева: «Я – президент мира, а не войны» (Петр Порошенко). Из Вашингтона: «Мы продолжаем призывать к дипломатическому решению проблемы». Ложно-целевое программирование лидеров ЕС, не обладающих адекватными представлениями о российской агрессии и заинтересованных в восстановлении экономических отношений с РФ, ограниченных из-за санкций, дало несколько нужных агрессору результатов. Первое – навязать проигрышный для Украины «мирный процесс» (Минск), который по замыслу агрессора является своеобразным «переключателем фаз» гибридной войны в случае, если получается нерасчетный сценарий в ее ходе. Также, псевдомирный процесс позволил минимизировать вероятность введения фатальных для российской экономики дополнительных санкций (отключение от SWIFT, ограничение котировок российской нефти Urals, замещение ее другими сортами нефти нероссийского происхождения и др.), заблокировать предоставление Украине летального оружия. ЛЦП в отношении США дается Кремлю тяжелее, но все же Администрация США стала его жертвой, поскольку лауреат Нобелевской премии мира Б. Обама спустя почти два года так и не смог принять соответствующее решение о поставках летального оружия в Украину, несмотря на резолюции Конгресса.

В России авторство гибридных войн принято приписывать американцам, поскольку это вписывается в созданный усилиями советской и российской пропаганды образ США как мирового империалиста и агрессора. Однако, Россия, на самом деле, превзошла США. По кремлевской логике, Россия осуществляет «конфликтное сдерживание агрессии США» в мире, которая осуществляется через механизм «цветных революций». И случай с Украиной наглядно демонстрирует такой подход. В представлении Кремля, не Россия начала войну против Украины, а США (и Запад в целом) осуществляют агрессию против «русского мира», поэтому Россия силовым образом сдерживает гибридную войну, используя все доступные методы. Русская версия гибридной войны является контроружием против американской ее разновидности в виде «цветных революций». Однако, такое объяснение является всего лишь маскирующим агрессора прикрытием. Истинное положение дел и истоки гибридных технологий ведения войны выглядят по-иному.

1.3. Краткий экскурс в историю советских гибридных технологий войны¹³

Гибридная война не является изобретением режима В. Путина. Новые русские разработки сделаны по шаблонам старой советской практики. Корни ее – в постановлении Комиссии Политбюро Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков) по вопросу активной разведки от 25 февраля 1925 года. Советская Россия отрабатывала первые практики «гибридной войны» в 20-30-е годы против сопредельных стран – Польши, Китая, а также в Центральной Азии. «Гибридная война» сталинского стандарта называлась по-другому – военно-подрывная деятельность. Например, в Польше, в 20-30-е годы специальные группы действовали, на востоке страны, переодевшись в польскую военную или полицейскую форму, грабили и сжигали волостные управы, частные владения, захватывали поезда, дискредитируя центральную власть и пытаясь вызвать восстание в регионах с непольским населением. Основную задачу диверсанты и террористы не выполнили – "народного восстания" так и не вышло. После окончания Второй мировой войны, на западе Украины, где с 1942 года развернулось мощное движение сопротивления немецким, а затем и советским оккупантам со стороны ОУН-УПА, Москва прибегла к технологиям дискредитации сил сопротивления. Переодетые в униформу повстанцев подразделения НКВД (позже МГБ) осуществляли массовый террор над мирным населением. Эта технология использовалась практически целое десятилетие – до середины 50-х.

Во время холодной войны СССР действовал в ряде стран через механизм поддержки левых или национально-освободительных движений, обеспечивая их не только оружием и деньгами, но и направляя советников и группы спецназа для военных действий, замаскированных под «борьбу народа с марионеточным режимом, поддерживаемым Западом».

Одним из ключевых аспектов, определяющих успех гибридной войны, является незаметное и маскируемое применение военнослужащих одной страны на территории другой. Отработанный исторически механизм – добровольцы (в случае агрессии против Украины – в виде «отпускников»). Наиболее масштабным случаем применения вооруженных сил под видом добровольцев была война в Корее 1950-1953 г. г. «Сотворчество» Сталина и Мао привело к появлению, за разными оценками, от 1 до 3 млн. китайских военных-добровольцев и порядка 40 тысяч советских. Если китайские «добровольцы» составляли основу сухопутных сил, то советские «добровольцы», в основном, были предназначены для завоевания превосходства в воздухе. Советские лётчики и специалисты ПВО находились в Корее под видом китайских

¹³ Подготовлено на основе публикаций Владимира Воронова «Зеленые человечки Сталина» <http://www.svoboda.org/content/article/26670277.html> и Евгения Якунова «Наследники китайских ватников» <http://www.ukrinform.ua/rus/news/nasledniki-kitayskih-vatnikov-putin-sper-ideyu-u-mao-1706587>, а также ряда российских источников, посвященных корейской войне.

народных добровольцев. Они были хорошо легендированы: одеты в китайскую форму, имели китайские псевдонимы и соответствующие документы, а на их самолёты были нанесены опознавательные знаки ВВС Народной Освободительной Армии Китая (НОАК). 64-й истребительный авиакорпус, сражавшийся в Корее почти три года, состоял из 3 воздушных дивизий (10 авиаполков, насчитывавших 321 самолет), а также частей ПВО и технического обеспечения. Средняя общая численность личного состава корпуса составляла 26 тыс. чел.

Официально СССР утверждал, что советские войска в Корейской войне не участвовали. Но на самом деле они участвовали, находясь в составе частей НОАК, где было много советских офицеров и генералов. Официально они числились военными советниками, но реально командовали частями и соединениями, где китайские «командиры» были лишь переводчиками. Около полутора тысяч этих «советников» и были переброшены в качестве «китайских добровольцев» для корейской армии. Роль группы советских военных специалистов в Корее стала решающей в конфликте на Корейском полуострове. Они планировали боевое применение танков, авиации, артиллерии, инженерных войск и войск связи. Советские военные советники часто подменяли подсоветных, брали инициативу в свои руки.

СССР скрывал и отрицал участие своих военнослужащих в войне. Несмотря на все меры по соблюдению строгого режима секретности, США прекрасно знали об этом. Тем не менее официальный Вашингтон хранил молчание все три года войны. Администрация США пришла к выводу о том, что будет лучше сохранить в тайне от американской общественности советское участие в войне. Это диктовалось опасением, что возмущённая общественность потребует ответных действий, что грозило непредсказуемыми последствиями. СССР пользовался этим. Из воспоминаний одного из офицеров-«добровольцев»:

«Однажды поступила команда срочно собрать свои вещи и покинуть позиции. Почти на сутки нас увели в сопки, за несколько километров от места постоянной дислокации, а наше место тут же заняли китайские солдаты. Позже стало известно, что в тот день инспекция ООН проверяла, не участвуют ли в боевых действиях советские военнослужащие».

Один из современных российских экспертов, Александр Неклесса указывает в своей работе на наличие черт гибридности в корейской и вьетнамской кампаниях¹⁴.

¹⁴ http://www.ng.ru/ideas/2015-06-10/5_donbass.html



Постпред США при ООН У. Остин, демонстрирует автомат ППШ, на заседании Совета безопасности ООН в качестве доказательства советского участия в корейской войне. 18.09.1951 г.



Президент России В. Путин возлагает цветы к монументу Советской Армии во время визита в Северную Корею. Пхеньян, 20.07.2000 г.

Советские «добровольцы» появлялись и в Сирии. В 1956 году они принимали непосредственное участие в боевых действиях на сирийско-израильском фронте, а также и в последующих горячих событиях: 5-13 июня 1967 (6-дневная война), в марте-июле 1970 года (война на истощение), сентябрь-ноябре 1972 г. (война в воздухе), 6-24 октября 1973 (война Судного дня).

Наиболее поздней модификацией военно-подрывной деятельности советского периода были интерфронты, созданные КГБ СССР в конце 80-х – начале 90-х, как противовес народным движениям, возникшим в союзных республиках на волне демократизации общества и перехода его к плюралистической модели развития. Последний председатель КГБ СССР Вадим Бакатин в своей книге "Избавление от КГБ" писал: "Комитет безопасности стоял у истоков создания "интернациональных фронтов" в союзных республиках, проявлявших строптивость в отношениях с Центром. Порочная логика "разделяй и властвуй" стимулировала раскол общества в этих республиках на два непримиримых лагеря, приводила к обострению социальной напряженности [...] Действовала схема: "не хотите подчиниться — получите интерфронт, который призвет к забастовкам, поставит вопрос о границах республики и о законности избранных там органов власти", а затем деятельность этих интерфронтов преподносилась Комитетом госбезопасности как проявление воли всего народа"¹⁵.

Ретроспектива тематики гибридной войны указывает на то, что ее теоретики и разработчики были не только в советском Генштабе. В белоэмигрантской антибольшевистской среде были те, кто детально развивал тематику войн будущего. Одним из них является Евгений Месснер, армейский офицер царской России, закончивший свою военную карьеру в звании

¹⁵ http://www.ca-c.org/c-g/2009/journal_rus/c-g-1/04.shtml

подполковника Генерального штаба армии Врангеля и эмигрировавший из России. Он описал «мятеже-войну» как войну будущего в одной из своих работ, изданной в Буэнос-Айресе в 1960 году: «В будущей войне воевать будут не на линии, а на всей поверхности территорий обоих противников, потому что позади оружного фронта возникнут фронты политический, социальный, экономический; воевать будут не на двумерной поверхности, как встарь, не в трехмерном пространстве, как было с момента зарождения военной авиации, а - в четырехмерном, психика воюющих народов является четвертым измерением. Воюющая сторона будет на территории другой стороны, создавая, поддерживать партизанское движение, будет идейно и материально, пропагандно и финансово поддерживать там оппозиционные и пораженческие партии, будет всеми способами питать там непослушание, вредительство, диверсию и террор, создавая там мятеж»¹⁶. «Мятеже-война – это война еретическая, психологическая, низменная, ожесточенная, апокалипсическая... Когда воюют явно и тайно, непрерывно или при удобном случае... Воюют универсально, пользуясь всеми оружиями разрушения... Воюют регулярным войском, лишившимся военной монополии, и иррегулярной силой, ставшей мощным фактором войны... Воюют партизанами, диверсантами, террористами, пропагандистами и саботерами... Но и другим необычным оружием: агрессодипломатией, нефтью-оружием, оружием-порнографией, оружием-наркотиками, оружием – промыванием мозгов...».

Можно приводить еще ряд ссылок на работы военных специалистов, живших в разное время как в СССР, так и за рубежом, и к работам, которых приковано в последние годы внимание не только Генштаба ВС РФ, но и многочисленных пропагандистов «русской славы», «русского оружия». Главного вывода это не изменит. А он состоит в том, что российская разновидность технологии ведения «гибридной войны» является усовершенствованным вариантом синтеза советской военно-подрывной деятельности, разработанной в сталинский период в СССР и зарубежных теоретических наработок и практик, опробованных в разных странах в разные периоды современной истории.

Поэтому, мнение президента США Б. Обамы о том, что у Путина не было подготовленной стратегии касательно Украины, а аннексия Крыма стала "импровизацией" Кремля в ответ на неожиданные для Москвы протесты на Майдане¹⁷, является глубоко ошибочным и не соответствует историческим фактам. В то же время, в полном соответствии с приведенными историческими фактами, является использование «добровольцев» по аналогии с советскими военнотружущими в виде китайских добровольцев в Корею. Российский военный эксперт Павел Фельгенгауэр достаточно четко отметил,

¹⁶ Месснер Е. Мятеж - имя Третьей Всемирной. - Буэнос-Айрес, 1960. Стр. 109

¹⁷ <http://edition.cnn.com/videos/tv/2015/01/31/exp-gps-obama-sot-putin.cnn>

что в составе НВФ на территории Донбасса «есть военные, прикомандированные в качестве советников или командиров. Есть добровольцы, которые могут быть военными, но не представляют собой регулярные части»¹⁸. Аналогичное происходит в наши дни в сирийской кампании, которой Кремль хотя и создал имидж классической войны с применением современного высокоточного оружия по образцу американской бесконтактной войны против Югославии в 1999 году, тем не менее, она имеет ряд признаков параллельного ведения гибридной войны с использованием «добровольцев».



НАШИ СИРИЙСКИЕ БРАТЯ ЖДУТ ТЕБЯ!

**ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ БАТАЛЬОН
"КРЕСТОНОСЕЦ" ЖДЕТ СМЕЛЫХ.**

- ВОЗРАСТ: 18-40 ЛЕТ;
- ХОРОШАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ ФОРМА;
- ТРЕЗВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ;
- ПАТРИОТИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ;
- НАЛИЧИЕ БОЕВЫХ НАВЫКОВ, ВЛАДЕНИЕ ВОИНСКОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИЕЙ, УЧАСТИЕ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРИВЕТСТВУЮТСЯ.

**ГАРАНТИРУЕМ ДОСТОЙНУЮ ОПЛАТУ,
БОЕВЫЕ, ЭКИПИРОВКУ И ОБУЧЕНИЕ.**

ЗАПИСЬ ПО ТЕЛЕФОНУ (062) 306-25-13

Октябрь, 2015. Призыв для добровольцев в группе Александра Дугина в социальной сети «Вконтакте». <https://vk.com/agdugin>

¹⁸ <http://apostrophe.com.ua/article/politics/foreign-policy/2015-02-06/pavel-felgengauer-sereznoe-kontrnastuplenie-ukrainskoy-armii-privedet-k-massirovannomu-russkomu-vtorjeniyu/1223>

2. Гибрессия.

2.1. ПДСГ-версия гибридной войны

Гибридная агрессия (гибрессия) РФ против Украины в анналах истории будет неразрывно связана с именем российского президента. Вполне логично определить ее как «гибрессию Путина». Но не он один является ее автором. К сотворчеству причастны еще, как минимум, трое – Александр Дугин, Владислав Сурков, Валерий Герасимов. Геополитическое реконструирование и реинжиниринг евразийского пространства с центральным блоком в виде «Русского мира», разрабатываемые известным российским геополитиком-реваншистом А. Дугиным, сформировали запрос на новейшую версию ведения нелинейной, отличной от предыдущих войн. Это запрос на «войну-лоукост», которую можно было бы идентифицировать как вид современного искусства, где онлайн трансляции, медиа-операции, флэш-мобы, митинги и манифестации являются не менее значимыми нежели операции вооруженных сил. Сам Дугин на одном из своих семинаров 23 марта 2011 года отметил: *«Мы видим слияние военной доктрины с современным искусством, с художественными произведениями, с кино. Я более пяти лет потратил на то, чтобы убедить Генеральный штаб и Совет Безопасности начать заниматься сетевыми войнами... Мне кажется, что нам тоже нужно использовать искусство в военных целях»*¹⁹.

Для воплощения в жизнь концепции войны-трансформера нужен подход «война как театральная постановка, театр военных действий как спектакль». Он характерен для стиля главного политического консультанта Кремля Владислава Суркова, имеющего ярко выраженные творческие склонности, диверсифицированную биографию и обучавшегося в свое время по специальности "театральная режиссура" и даже пребывавшем в роли руководителя самодеятельного театра²⁰. Не случайно, что на начальной фазе гибридной агрессии ведущая роль была отведена офицеру ФСБ и любителю театрализованных исторических реконструкций Игорю Гиркину (Стрелкову). В определении агрессии гибридного типа присутствует такая ее особенность как генерация неопределенностей. «Принцип неопределенности» известен в квантовой физике как принцип Гейзенберга. Он характеризует дуальное поведение элементарной частицы как волны. Портрет немецкого физика в кабинете у В. Суркова. Причем в достаточно интересной компании. «Расшифровка» этих увлечений позволяет обнаружить некоторые интересные особенности.

¹⁹ <http://konservativizm.org/konservativizm/geopolitika/220411212811.shtml>

²⁰ <http://lenta.ru/lib/14159273/full/>



Часть кабинетных кумиров В. Суркова
<http://krispotupchik.livejournal.com/148309.html>

Рядом находятся портреты Бенуа Мандельброта, создателя теории фракталов, исследователя объектов и систем с неупорядоченной и хаотичной структурой, а также Ильи Пригожина, разработчика концепции синергетики, исследователя энтропии и хаоса. Триада Гейзенберг – Мандельброт – Пригожин вместе с совокупным прикладным применением их наработок, дает базовый 4-тактный алгоритм нелинейных процессов, используемых для гибридных технологий ведения войны:

1. ложно-целевое программирование противника через «кооперационную модель», под прикрытием которой реализуется программа деструкции
→
2. диспергирование определенностей и статусов в совокупность неопределенностей, генерация управляемого хаоса
→
3. менеджмент неопределенностей – управление хаосом
→
4. упорядочение хаоса, реинжинирг пространства, получение новой реальности через синергию усилий.

Последствия нелинейных процессов часто оказываются непредсказуемыми, самопроизвольными, самоорганизруемыми. Но они поддаются инжинирингу.

Рассмотрим это на примере крымского блицкрига России. Статус Крыма как автономии в составе Украины стремительно размывается силами «стихийно» возникшей «местной самообороны», которая при поддержке «вежливых людей» занимает ключевые позиции на полуострове, захватив ключевые административные здания. Все это происходит под аккомпанемент пропагандистской кампании о «нацистской» угрозе для Крыма и его обитателей вследствие «переворота» в Киеве, захвата власти «хунтой», сместившей законно избранного президента и направившей на полуостров отряды «Правого сектора». Создается временно неопределенный статус, когда формально Крым все еще управляем из Киева, но, фактически, центр уже не может осуществлять управленческие функции из-за обструкционистской позиции местной власти на стороне которой «самооборона», разнообразные «казаки» и непонятного происхождения «вежливые люди». Возникает пространство возможностей и несколько возможных опций-переходов: Крым – еще одно формально независимое, но фактически сателлитное российское государство, Крым – российско-украинский кондоминиум с доминирующей ролью России, Крым в составе России. Однако, неопределенность имеет четкую определенность в одном – Крым для России больше не является частью Украины. Военно-политический менеджмент неопределенности на полуострове после его оккупации «зелеными человечками» через механизм сомнительного референдума целенаправлен только на одну из возможных опций – Крым в составе России. Россия референдумом получает синергетический эффект, расширяет свою территорию за счет Крыма и начинает реинжиниринг постсоветского пространства с амбицией на геополитическое пространство Европы после Ялты-1945. В Крыму началась история мира после Второй мировой войны, в Крыму она снова, через 70 лет, получает возможность для рестарта, и снова на условиях властелина Крыма, то есть Кремля и конкретно – Владимира Путина.

Агрессия гибридного типа – рабочий механизм для фрагментации и дисперсии существующих определенностей и статусов, генерирования неопределенностей и хаоса с последующей их трансформацией в новые реалии в соответствии с кремлевской картиной мира и видением нового миропорядка. Кремль один против мира и все смотрят на него. Поэтому, неслучайно, что Тупак Шакур попал на кабинетный пьедестал В. Суркова. Возможно, это из-за его двух альбомов с весьма характерными названиями «Me Against the World» (Один против мира) и «All Eyez on Me» (Все смотрят на меня).

Примерно так можно трактовать креативный взнос Суркова в современную концепцию гибридной войны. Если Дугин – генеральный конструктор геополитического реинжиниринга евразийского пространства, то Сурков – главный технолог, разрабатывающий «на ходу» технологический процесс реконструкции СССР и перехода от Pax Americana к Pax Putiniana. Но

одновременно шло и весьма прикладное творчество на микроуровне. Хотя его качество оказалось весьма сомнительным, что отразилось на достигнутых результатах – несколько оккупированных районов двух восточных областей вместо 8-10 областей юга и востока Украины. В октябрьском 2015 года интервью для медиа-группы «Новороссия» Игорь Гиркин (Стрелков) четко указывает: «...именно Кремль (в лице Суркова) подобрал, поддержал и прямо протолкнул во власть самое худшее (беспринципное, корыстное, бездарное и недееспособное), что имелось в рядах ополчения...»²¹

Параллельно, чисто военным сотворчеством занимался Генеральный штаб ВС РФ, где направление гибридных войн курировал генерал Валерий Герасимов – заместитель Начальника Генерального штаба с декабря 2010 года, а с ноября 2012-го – НГШ. Показательно, что в ходе военной реформы Черноморский флот РФ, основные силы которого базировались на территории Украины – в Севастополе и Крыму, был подчинен Южному военному округу (ЮВО), образованному 4 октября 2010 г. со штабом в Ростове-на-Дону. За полгода до этого и буквально через 2 месяца после прихода к власти в Украине В. Януковича, 21 апреля 2010 года в Харькове было подписано российско-украинское пакетное соглашение «газ – флот», в соответствии с которым срок базирования ЧФ в Украине был продлен до 2042 года. Эти действия были продуманной стратегией, которая трансформировала неопределенность – возможный вывод-невывод ЧФ с территории Украины в 2017 году, в определенность – флот будет в Крыму как минимум до 2042 года, а реально – тема его вывода больше не будет актуальной. Более того, соединив сухопутные и флотские силы в составе ЮВО, были получены дополнительные оперативные возможности. Это оказалось важным для успеха кампании засылки на полуостров «зеленых человечков», которые не были подчинены флоту, имевшему в своем составе много граждан Украины, что предопределило бы раскрытие операции в процессе ее подготовки. Также нахождение штаба в Ростове было крайне удобным с позиции обеспечения оперативного управления боевыми действиями в восточных областях Украины в рамках проекта «Новороссия», а также в рамках возможного проекта создания сухопутного моста в Крым, при котором потребуется тесное взаимодействие сухопутных сил и сил флота.

Таким образом, условно, гибридную войну РФ против Украины можно назвать ПДСГ-версией по заглавным литерам фамилий упомянутых персонажей. Она – достаточно уникальна, это эксклюзивный продукт. Ее повтор в чистом виде невозможен, но всякая новая версия будет иметь в основе своей некоторые базовые конструкты и шаблоны – подобно буквам алфавита из которых создаются слова.

²¹ <https://vk.com/ruspring>

2.2. Ретроспектива событийных цепочек.

Непротивление Украины пролонгации пребывания ЧФ, которое должно было завершиться в 2017 году, стало результатом ложно-целевого перепрограммирования руководства Украины во главе с В. Януковичем. Как отмечалось выше, авангардным приоритетом российско-украинского «стратегического партнерства» стало «взаимовыгодное экономическое сотрудничество». «Газ с дисконтом» от кремлевской «петрократии» стал приоритетом №1 для клептократии Януковича, который можно было получать в обмен на удовлетворение флотских амбиций Кремля. Они воспринимались в Киеве, как некая «хотелка» Путина в создаваемом им имидже «величия России», за которой нет угрозы для режима в Киеве.

Параллельно в период роста цен на нефть в 2000-х возник симбиоз постсоветской клептократии и европейской плутократии. Доходы от экспортных энергоресурсных потоков из России в ЕС, в значительной мере оседали в Европе в виде банковских вложений, покупки недвижимости. В то время, как интеллектуально дряхлеющий и безвольный европейский политикум видел в этом только выгодный бизнес, режим Путина использовал это как приманку для создания мощного и влиятельного лобби, которое в «Час «Ч» сыграет свою роль, помогая России изнутри ЕС и своих стран. Впервые это сработало в 2008-м на саммите НАТО в Бухаресте, когда франко-германский тандем заблокировал предоставление Украине и Грузии Плана действий по членству в НАТО.

Продолжая ретроспективу, сопоставляя даты, события и высказывания, можно прийти к построению цепочки причинно-следственных связей, показывающих динамику постепенной, долгосрочной и системной подготовки России к внешней экспансии, апофеозом которой стала гибридная агрессия против Украины.

Знаковое событие	Глубинный смысл
10 апреля 2003 года подписание межгосударственного соглашения между РФ и Туркменистаном, по которому объемы туркменского газа были законтрактованы на 25 лет.	Прерывание прямых газовых отношений между Туркменистаном и Украиной согласно долгосрочного межправительственного соглашения.
19 сентября 2003 года – подписание по инициативе РФ Соглашения формирования Единого экономического пространства.	Запуск проекта экономической реинтеграции ядра постсоветского пространства под эгидой России.

Центр глобалистики «Стратегия XXI»

29 сентября – 23 октября 2003 года – российско-украинский кризис вокруг косы Тузла в Керченском проливе.	Индикатор наличия агрессивных намерений РФ в отношении Украины Тестирование реакции Украины и Запада.
26 июля 2004 года – Ялтинская встреча президентов РФ и Украины. Политическое одобрение 25-летней схемы торговли газом и транзита в Европу через созданную в Швейцарии компанию «Росукрэнерго»	Усиление газовой зависимости Украины от России, отказ президента Л.Кучмы от цели вступления в НАТО.
25 апреля 2005 года – послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ, где В. Путин назвал распад СССР "крупнейшей геополитической катастрофой века"	Публичная ностальгия за СССР, обосновывающая геополитический реваншизм на будущее.
1-4 января 2006 года – прекращение поставок газу Украине со стороны «Газпрома»	Мсть Украине за Оранжевую революцию.
10 февраля 2007 года – Мюнхенская речь В. Путина на традиционной конференции по безопасности	Первый после распада СССР публичный геополитический вызов США. «Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна» - отметил В. Путин
6 октября 2007 года – подписание РФ, Казахстаном и Белоруссией Договора о формировании Таможенного союза.	Перезапуск проекта экономической формы реинтеграции ядра постсоветского пространства под эгидой России.
17 февраля 2008 года – провозглашение независимости Косово и негативная реакция России. Из сообщений СМИ: «Провозглашение независимости Косово разрушает всю систему международного права и вызовет цепную реакцию, заявил первый	Западный «подарок» Кремлю. Уже 20 февраля Дж. Фридман достаточно четко спрогнозировал поведение РФ: «Россия может объявить о планах захвата благоприятных сепаратистских регионов на ее границах - особенно грузинских областей Абхазии и Южной Осетии, а

<p>вице-премьер РФ Сергей Иванов»²².</p>	<p>возможно даже восточной Украины и Крыма. Аннексия была бы предпочтительней, чем признание независимости, так как она уменьшит возможности сепаратистских движений в самой России, агитирующих за раскол. Россия, таким образом, утвердит, что независимость Косово открывает дверь для России, чтобы изменить и свои границы»²³.</p>
<p>2-4 апреля 2008 года – блокирование Германией и Францией предоставления ПДЧ Грузии и Украине на Бухарестском саммите НАТО.</p>	<p>Практический успех России по успешному блокированию страной вне НАТО решений Альянса. Из сообщений СМИ: «...президент России намекнул, что если НАТО предоставит план действий по членству (ПДЧ) в НАТО Грузии, то Россия признает Абхазию и Южную Осетию, опираясь на косовский прецедент, и тем самым создаст буферную зону между силами НАТО и своими границами... если Украину все же примут в НАТО, это государство просто прекратит существование. То есть фактически он пригрозил, что Россия может начать отторжение Крыма и Восточной Украины»²⁴.</p>
<p>8-12 августа 2008 года – агрессия России против Грузии с сепарацией Южной Осетии.</p>	<p>Проверка Кремлем реакции Запада на вооруженные действия в виде «операцию по принуждению к миру режима Саакашвили» после дипломатического успеха на Бухарестском саммите НАТО.</p>
<p>1-20 января 2009 года – прекращение</p>	<p>Демонстрация Украине и ЕС уровня их зависимости от российских</p>

²² <http://newsru.com/arch/russia/19feb2008/ivanovreaction.html>

²³ <http://geopolitica.ru/Articles/95/>

²⁴ <http://www.kommersant.ru/doc/877224>

поставок газа Украине и ЕС	энергоресурсов.
<p>3 ноября 2009 года – программное выступление Патриарха Кирилла на III Ассамблее Русского мира:</p> <p>«Ядром Русского мира сегодня являются Россия, Украина, Белоруссия...</p> <p>...только сплочённый Русский мир может стать сильным субъектом глобальной международной политики, сильнее всяких политических альянсов...</p> <p>... независимые государства, существующие на пространстве исторической Руси и осознающие свою общую цивилизационную принадлежность, могли бы продолжать вместе созидать Русский мир и рассматривать его как свой общий наднациональный проект»²⁵</p>	<p>Усиление геополитического курса России на «собрание земель» культурно-религиозным фактором.</p> <p>Оценка СМИ: «...предстоятель самой большой поместной православной церкви в течение своего 25-минутного выступления ни разу не вспомнил Христа, только трижды — Бога и вместе с тем 38 раз повторил словосочетание «русский мир» — термин, который в контексте патриаршей речи звучит как геополитический концепт, мало связанный с церковным учением»²⁶.</p>
21 апреля 2010 г. – Харьковские договоренности, пролонгирующие пребывание ЧФ РФ на территории Украины до 2042 года	Долгосрочное закрепление военного присутствия на территории страны-жертвы для облегчения решения задач на будущее.
14 августа 2013 г. – тотальное блокирование украинского экспорта в Россию	Начало прокси-фазы гибридной войны.

Таким образом можно подытожить, что 2008 год оказался весьма благоприятным для России с тем, чтобы перейти к форсированию геополитического инжиниринга евразийского пространства. 2008 год показал России, что ее стратегия, направленная не просто на ослабление Запада и усиление своих позиций, но и на создание не-атлантической «новой Европы» может быть вполне успешной. Дипломатия США, не подкреплённая силой, была воспринята Россией как слабость и дополнительный стимул к созданию «Рух Putiniana».

²⁵ <http://rusскиymir.ru/fund/assembly/the-third-assembly-of-the-russian-world/>

²⁶ http://gazeta.zn.ua/POLITICS/geopolitika_ot_patriarha_tsarstvo_nebesnoe_vs_russkiy_mir.html

Базовая детерминанта футурополитики в представлении Кремля формулируется следующим образом «Кто имеет ресурсную квадру (энергетические, водные, продовольственные и минеральные ресурсы) и обладает силовой (ракетно-ядерное оружие, воздушно-космические силы, кибер-войска и организационное оружие) – тот будет править миром».

В основе нынешней российской экспансионистской политики лежит так называемая евразийская миссия России. По Дугину она формулируется достаточно просто: *«Императив геополитического и стратегического суверенитета России заключается в том, чтобы не только восстановить утраченные регионы "ближнего зарубежья", не только возобновить союзнические отношения со странами Восточной Европы, но и в том, чтобы включить в новый евразийский стратегический блок государства континентального Запада (в первую очередь, франко-германский блок, который тяготеет к освобождению от атлантической опеки проамериканского НАТО) и континентального Востока (Иран, Индию и Японию)... Выход к холодным морям Севера и Востока должен быть дополнен выходом к теплым морям Юга и Запада, и только в этом случае Россия станет геополитически "законченной"»*. В этом Дугин перекликается с бельгийским геополитиком Жаном Тириаром и его концепцией Европы от Дублина до Владивостока.

Механизм воплощения подобной концепции – война. Но путем классической войны Россия не сможет добиться поставленных целей. Ее военная мощь не так велика даже с учетом имеющегося ядерного потенциала. В прямом конфликте с Западом она проиграет. Однако, Россия имеет колоссальный ресурсный потенциал, прежде всего, энергетический. Поэтому, основной замысел российских стратегов состоит в том, чтобы развернуть скрытую войну, которая не воспринималась бы как война и не дала бы возможности НАТО задействовать Статью 5 Вашингтонского договора. Надобно признать, что подобный подход срабатывает. Это хорошо видно на примере российско-турецкой конфронтации из-за Сирии, когда союзники Турции по НАТО отказали ей даже в запуске механизма консультаций, предусмотренных Статьей 4 Вашингтонского договора, несмотря на то, что российские вооруженные силы открыто ведут боевые действия на территории Сирии.

2.3. Фальстарт – 2009 и Рестарт-2013

Гибридное вторжение России в Украину могло состояться еще в прошлом десятилетии. В этом контексте, особого внимания заслуживают акты «газовой агрессии» России против Украины в 2006 и 2009 годах. В Европе их принято называть «украинско-российскими газовыми кризисами», что отражает традиционное политическое желание Старой Европы избегать называть вещи своими именами. Прекращение поставок газа в Украину и сокращение транзита

Центр глобалистики «Стратегия XXI»

через Украину в ЕС в 2006 году было со стороны РФ «акциями возмездия». Украине – за Оранжевую революцию 2004 года, Европе – за поддержку Украины. Еще в ходе Оранжевой революции Россия, намереваясь запустить процесс разрушения украинской государственности, начала разворачивать сепаратистские проекты под лозунгом федерализации, что означало запуск «перепрограммирования» государственного устройства. Первый из них – «Юго-Восточная Украинская автономная республика» 2004 года. Этот проект не увенчался успехом, но уже в конце 2005 года появился проект «Донецкой республики», как наследницы Донецко-Криворожской Советской Республики 1918 года. Это тоже не привело к успеху, организация с одноименным названием была запрещена в Украине, но она продолжила работу в подполье, имея всестороннюю поддержку в России. Активизировалась в начале 2009 года.



Фото из социальной сети с символикой «Донецкой Республики» (еще не «народной»), датированное 12 августа 2009 г. https://vk.com/album-3223620_95208996

Газовый кризис 2009 года имел далеко идущие цели. Он должен был сыграть роль детонатора для провоцирования политического конфликта в Украине по линии Восток – Запад. Замысел состоял в том, что в случае полного прекращения поставок газа (для внутреннего потребления + транзит в ЕС), власть в Украине не сможет обеспечить подачу газа из расположенных на западе страны основных ПХГ на восток в основные промышленные центры, которые останутся без тепла. Таким образом, это должно было спровоцировать,

по замыслу российских стратегов, «социальный взрыв на востоке и юге Украины». В 2009 году российским Фондом стратегической культуры был проработан так называемый «полужесткий» сценарий, который предусматривал экстренные переброски в Украину военных контингентов с «временным правительством», динамичное развертывание местных органов управления на оккупированных территориях с опорой на заблаговременно подготовленные «силы поддержки» - маргинальные группы, критически настроенные к власти в Киеве, создание «независимых» квазигосударственных образований». Не случайно 12 января 2009 года в российских СМИ появились публикации на тему «пересмотра границ» в СНГ и заявления российских политиков: **«Депутат Госдумы РФ Константин Затулин не исключает, что Россия «в нужный момент подаст знак» юго-восточным регионам Украины для вхождения в состав России»**²⁷. Вероятно, базисом для подобных заявлений стали результаты совместного заседания Совета безопасности и Государственного совета РФ 25 декабря 2008 года, где акцент был сделан на особой роли межрегиональных связей в рамках СНГ, интеграционным ядром которого является ОДКБ и ЕврАзЭС. В случае российско-украинских отношений, межрегиональные связи – это отношения с восточными и южными областями Украины, граничащими с РФ и имеющими большой объем разнообразных контактов и сотрудничества, который может обеспечить «размывание» государственных границ своей «массой». Очевидно, что такой концептуальный подход и стал основой для затулинского заявления.

В 2009 году сценарий газового кризиса не сработал как детонатор, поскольку ГТС Украины была развернута в реверс и центральные, восточные и южные регионы Украины получили газ с газохранилищ, размещенных на западе страны. «Холодомора» и последующего социального взрыва юго-востока Украины не произошло. К тому же, медведевско-путинский дуумвират или «танDEMократия» оказалась недостаточно эффективной управленческой системой для решения масштабных внешних задач, как показали грузинские события. Поэтому, пауза до восстановления путинского статус-кво в Кремле после выборов 2012 года была использована для более детализированной, кропотливой и углубленной подготовки. В частности, оперативно-стратегические учения «Запад-2009» и, особенно, «Запад-2013» стали наиболее масштабными учениями, которые теперь можно идентифицировать как подготовку войск для ведения не только традиционных боевых действий, но и неконвенциональной войны. В публикациях российских и белорусских СМИ отмечалась инновационность этих учений. На их значение в дальнейшем развитии событий обратил внимание один из ведущих американских военных экспертов Филипп Карбер, отмечая эти два учения в своей статье “Russia’s “New Generation Warfare” весной 2015 года.²⁸ В Европе это осталось

²⁷ <http://www.unian.net/world/179446-zatulin-o-hmelnitskom-yuschenko-i-znake-v-nujnyiy-moment.html>

²⁸ http://issuu.com/nga_geoint/docs/47080_pf_final_lr pp. 11-13

малозамеченным. К практической отработке полученного на учениях опыта вооруженные силы РФ приступили в 2014-м году с усовершенствованным сценарием гибридной войны – гибриссии.

Гибридную войну против Украины РФ развязала не в апреле 2014-го с началом событий на Донбассе, и не в феврале с началом аннексии Крыма, как многие все еще продолжают считать. Начало крымских событий символизирует задействование военного компонента, в котором Москва дотоле не нуждалась (хотя все и было подготовлено к военному сценарию), поскольку все и так шло по «плану аншлюса». Базовые элементы этого плана – деатлантизация и деевропеизация системы управления через институциональные изменения. Особо следует отметить то, как под влиянием агентуры Кремля были внесены институциональные изменения в систему власти в Украине. С избранием В. Януковича президентом Украины в 2010 году, «ампутации» подверглись ключевые институты, отвечавшие за сотрудничество с НАТО и ЕС, в частности – Национальный центр по вопросам евроатлантической интеграции при Президенте Украины, Координационное бюро европейской и евроатлантической интеграции Секретариата Кабинета Министров Украины. Был принят закон об основах внутренней и внешней политики, в котором был зафиксирован «внеблоковый статус Украины», не имеющий международно-правового механизма его признания. В ключевых министерствах и ведомствах, отвечающих за оборону, безопасность и внешнюю политику были уничтожены базы данных о сотрудничестве с НАТО. Причем, сделано все это было за достаточно короткий промежуток времени – в течении полугода с момента избрания В. Януковича президентом. Целый ряд лиц, назначенных им на должности в оборонном ведомстве, специальных службах имели признаки агентов российских спецслужб. Получив такое руководство, министерства и ведомства системы национальной безопасности стали работать практически в режиме внешнего управления. Это позволило России де-факто развернуть политику Украины с европейского и евроатлантического направления на евразийское, оставляя неизменной лишь проевропейскую риторику Киева.

Реализация путинского блицкрига по инкорпоратизации Украины в «русский мир» через механизм евразийской интеграции, фактически стартовала с речи президента РФ 27 июля 2013 года в Киеве по случаю празднования 1025-летия крещения Руси на конференции с весьма показательным символизмом в названии "Православно-славянские ценности – основа цивилизационного выбора Украины". Конечно, следует отметить, что базисом для блицкрига служили многолетние усилия России по «перепрограммированию базового управляющего модуля» Киева – президентской власти – с европейского на евразийский в соответствии с канонами ЛЦП. Вначале это делалось в режиме мягких влияний на правящие политико-олигархические группы в Украине, начиная с правления Л.Кучмы. Пик усилий, которые уже были не только

мягкими, но и полужесткими, пришлось на клептократическую автократию В. Януковича, который монополизировал политическую и экономическую власть в стране. **По технологии ЛЦП достаточно перепрограммировать главный модуль системы госуправления авторитарного государства – диктатора – и это направит всю страну в стратегический тупик, что и нужно России.**

«Полужесткие влияния» в соответствии с кремлевским планом гибрессии с 14 августа 2013 г. получили новое качество в рамках прокси-фазы. Россия в явочном порядке и массово стала дискриминировать украинский экспорт в РФ, нанося экономический ущерб Украине. Цель была очевидной – не допустить подписания Соглашения об ассоциации с ЕС и втянуть Украину в Таможенный союз. Сценарий аншлюса – именно так можно назвать то, что замышлялось тогда в Кремле. Суть его – взять Украину без единого выстрела, кнутом и пряником заставив режим Януковича сделать бесповоротный геополитический разворот в сторону России. Летом-осенью 2013 был задействован механизм «кнута» и жесткого прессинга, который усилился через навязываемые контакты в октябре-ноябре незадолго до Вильнюсского саммита Восточного партнерства. 24 октября В. Янукович прилетает в Минск на заседание Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств, где встречается с В. Путиным, 27 октября В. Янукович прилетает к В. Путину в Сочи, спустя меньше чем две недели, 9 ноября – опять встреча. И снова – в России, причем, на одной из военных баз в условиях строжайшей секретности.

Перепрограммирование «базового управляющего модуля» (президента Украины) системой госуправления страной обеспечило отказ Януковича от подписания Соглашения об ассоциации с ЕС. Воплощением ожидаемого в Кремле результата применения ЛЦП стало распоряжение Кабинета министров Украины № 905-р от 21 ноября 2013 г. Сущность его – в двух абзацах: *«С целью принятия мер по обеспечению национальной безопасности Украины, более детального изучения и проработки комплекса мероприятий, которые необходимо осуществить для восстановления утраченных объемов производства и направлений торгово-экономических отношений с Российской Федерацией и другими государствами – членами Содружества Независимых Государств <...> приостановить процесс подготовки к заключению Соглашения об ассоциации между Украиной, с одной стороны, и Европейским Союзом, Европейским Сообществом по атомной энергии и их государствами-членами, с другой стороны»*. В ноябре-декабре были задействованы «пряники» - обещания многомиллиардных заказов для предприятий украинского ВПК, 15 млрд. долларов кредитных ресурсов и «дешевый» газ по 268,5 дол. за 1000 кубов, что нашло свое отражение в московских договоренностях Путин – Янукович 17 декабря 2013 года. Практически, это стало капитуляцией режима Януковича и успехом в применении ЛЦП Кремлем, что привело к замене системы евроориентированных ценностей государства-жертвы базовыми

конструктами государства-агрессора: «русский мир», «славянское единство», «таможенный союз».

2.4. Тайное становится явным

Как уже отмечалось в начале, при планировании любой войны – классического или неконвенционального типа, всегда есть вероятность возникновения нерасчетных сценариев, которые будут требовать дополнительного потенциала для нейтрализации непредвиденных факторов (ΔE_{unexp}).

Евромайдан расстроил сценарий Путина по аншлюсу Украины. Поэтому, в 2014-ом Кремль ввел в действие жесткий сценарий. После интенсивной прокси-фазы был задействован военный компонент гибридной агрессии для усиления многомерного и разнородного давления на Украину. Военная операция в виде диффузного вторжения стартовала 20 февраля 2014 года – начало оккупации Российской Федерацией Крымского полуострова, являющегося частью Украины. Дата 20 февраля является не случайной. 60 лет назад, 19 февраля 1954 года было принято Указ Президиума Верховного Совета СЗСР «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР». Логика авторов крымской аннексии достаточно легко просматривается – 19 февраля – «черный день» в истории России и Крыма, поэтому следующий день – 20 февраля должен символизировать возврат к status quo ante. Это лишний раз говорит о том, что операция «зеленых человечков» была спланирована заранее в привязке к конкретной символической дате и вне зависимости от того, какая власть в Киеве. Если бы В. Янукович остался президентом, не исключено, что состоялась бы, соответствующим образом обставленная, в рамках сценария аншлюса, передача Крыма обратно России в обмен на «порцию пряников» клептократическому режиму. Если к власти в Киеве приходит «хунта», тогда задействуется силовой вариант, сценарий которого также был подготовлен. Силовой сценарий был тщательно замаскирован, чтобы на начальном этапе он не выглядел таковым. *«Я дал поручения и указания Министерству обороны – чего скрывать – под видом усиления охраны наших военных объектов в Крыму перебросить туда спецподразделения Главного разведуправления и силы морской пехоты, десантников», – признался президент РФ В. Путин в интервью создателям пропагандистского фильма "Крым: путь домой". «Ни одного сбоя не было допущено. Это непростая работа, имея в виду ее масштаб, применение разнородных сил и средств. А там, на первом этапе спецназ ГРУ, ВДВ, морская пехота, потом другие подразделения».*



Медаль МО РФ «За возвращение Крыма» с датой начала операции 20.02.2014 г. (слева) и группа военнослужащих ВС РФ, награжденных медалью (справа)

Весьма показательными являются оценки начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ Валерия Герасимова, сделанные им за год до начала Крымской кампании в своем докладе «Основные тенденции развития форм и способов применения ВС, актуальные задачи военной науки по их совершенствованию» в феврале 2013 года: *«В XXI веке прослеживается тенденция стирания различий между состоянием войны и мира. Войны уже не объявляются, а начавшись – идут не по привычному нам шаблону. И сами «правила войны» существенно изменились. Возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превосходят силу оружия. Соотношение невоенных и военных мер 4:1». Акцент используемых методов противоборства смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер. К новым формам и способам ведения войны относится «снижение военно-экономического потенциала государства поражением критически важных объектов его военной и гражданской инфраструктуры в короткие сроки»²⁹.*

Очевидно, что учения «Запад-2013» стали своеобразной репетицией использования военного компонента гибридной войны. Вот фрагмент одного из анализов, который отражает конкретную практику гибридной войны против Украины и маскирует ее военный компонент: *«Необходимо действовать непрямыми методами... В первую очередь необходимо направить военных и гражданских специалистов, спецслужбистов для построения полноценных институтов власти на территории новообразованных республик. Следует создать все условия для организации добровольческого движения, осуществляя всестороннюю помощь в его подготовке, обеспечении вооружением и военной*

²⁹<http://www.vpk-news.ru/articles/14632>

техникой, созданием на территории России, ДНР и ЛНР лагерей подготовки добровольцев из самого Донбасса и не только. Обеспечить Сопротивление Юго-Востока разведывательной информацией, в т.ч. спутниковой, данными радиотехнической и радиоэлектронной разведки, беспилотной техникой в целях тактической разведки, средствами РЭБ, средствами защищенной связи... Вооружение можно давать то, которое используется в украинской армии, а также зарубежные образцы, дабы формально никто не мог предъявить России обвинения в оказании вооруженной помощи "сепаратистам-террористам". Задействовать наши разведывательно-диверсионные группы для саботажа на стратегических объектах противника (аэропорты, военные базы, колонны бронетехники, диверсии против скопления значительных сил противника и т.д.), обеспечить передачей информации из агентурных источников и прочее. Этот вариант является оптимальным и единственно возможным»³⁰.

Россия осмыслила американский опыт ведения войны против Сербии, Ирака, Афганистана. Были приняты во внимание его западные оценки. В декабрьском 2014 года докладе «Stratfor» Валдайскому клубу отмечено: «...на первый взгляд, США проиграли эти войны. Но такое суждение демонстрирует непонимание основополагающих намерений. С военной точки зрения, целью было не установление контроля над этими странами, но нарушение их внутреннего порядка, создание хаоса и разрушений...»³¹. **На постсоветском пространстве Россия ставит себе цели создания контролируемого хаоса, разрушения внутреннего порядка в сопредельных странах на фоне которого она будет выглядеть очагом прогресса и процветания, а присоединение к ее геополитическим проектам будет безальтернативным.** Гибридная война, в арсенале которой средства находящиеся по всей шкале применения – от soft power до hard power – идеально подходит как механизм создания контролируемого хаоса, что соответствует теоретическим наработкам С. Никанорова и С. Солнцева по «организационному оружию» и прикладным разработкам в рамках сурковских технологий.

В случае с Украиной, его применение, как уже отмечалось, началось заблаговременно. Стоит вспомнить описанное выше – главный объект, на который нацелено применение оргоруужия – это система управления государством. В странах с авторитарными, диктаторскими режимами это существенно упрощает задачу – воздействовать достаточно на лидера и ближний круг его окружения путем их личного «перепрограммирования» и – автоматически – государственных систем управления. Ведь именно диктатор и его ближнее окружение являются главным управляющим элементом централизованной системы управления государством. (В странах демократии

³⁰ Цитируется по <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/91459/>

³¹ <http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/97825/>

это сделать значительно сложнее, но тоже возможно. Там задействуются несколько иные механизмы, которые дают «эффект Шредера», «эффект Берлускони» или «эффект Орбана».) В случае с В. Януковичем его личное «перепрограммирование» в процессе частых встреч и общений с В. Путиным привело к нужному для России управленческому эффекту – кадровым изменениям в системе национальной безопасности. На ключевые должности (Министерство обороны, Служба безопасности, Управление государственной охраны и некоторые другие) были назначены лица, имеющие признаки внедренной агентуры российских спецслужб. Этими кадровыми назначениями практически был перепрограммирован алгоритм функционирования системы национальной безопасности. Она больше не работала как защитный механизм государства Украина, а была переведена в режим внешнего управления Кремлем через звено российских спецслужб и соответствующих подразделений администрации российского президента. Это создало базовый задел в виде разрушения систем обороны и государственной безопасности, что и предопределило успех сценария гибридной агрессии на крымском направлении.

Но уже на рамках проекта «Новороссия» произошел сбой из-за появления нерасчетного сценария, обусловленного несколькими факторами которые не были спрогнозированы либо недооценены или же переоценены собственные силы и возможности:

- переоценка пророссийского потенциала востока и юга Украины;
- недооценка общественного потенциала самоорганизации и сопротивления агрессору со стороны украинского общества;
- недооценка боевого потенциала ВС Украины и добровольческих батальонов;
- инцидент с уничтожением штатным ЗРК «Бук-1М» ПВО ВС РФ гражданского авиалайнера малайзийской авиакомпании (рейс МН17);
- разгром основных сил НВФ в ходе беспрецедентного в истории аэромобильных сил рейда 95-й ОАМБР по оккупированным территориям Донбасса в июле-августе 2014 г.

Все это в совокупности привело к переходу гибридной войны из алгоритма «крымского блицкрига» в алгоритм затяжного конфликта с резким возрастанием затрат и цены войны для агрессора, а также поставило его перед необходимостью перехода к псевдомирному процессу (Минск) и перевода войны в дальнейшем в режим интра-фазы.

3. Резонансные аспекты гибридной войны

3.1. Признаки подготовки и начала

Определение совокупности признаков начала гибридной агрессии имеют важное значение для своевременной диагностики проблемы. Ключевым аспектом являются две базовые детерминанты вероятности ведения гибридной войны. Их можно сформулировать следующим образом.

Внутренняя детерминанта: Чем выше внутренний конфликтогенный потенциал в стране, тем выше вероятность развязывания против нее войны гибридного типа.

Внешняя детерминанта: Если страна имеет внутренние уязвимости, вопрос времени, когда этим воспользуются внешние силы.

Признаки начала гибридной войны целесообразно структурировать по трем уровням: желтый, оранжевый, красный. Причем, оранжевый уровень означает практическое начало гибридной войны с последующим переходом на красный уровень, который, в свою очередь, предполагает в дальнейшем задействование военного компонента в замаскированном виде.

Желтый уровень:

- мултирование в СМИ сопредельной страны (потенциального агрессора) проблем соседнего государства (объекта будущей агрессии) с комментариями об угрозах для национальной безопасности сопредельной страны;
- активизации ассоциаций соотечественников в сопредельной стране, выступающих за защиту «всеми средствами» нарушения прав национальных меньшинств на территории соседнего государства;
- инициирование и проведение различных публичных мероприятий научно-прикладного характера на резонансную тематику, вносящую раскол в общественное сознание;
- вброс заказных материалов манипулятивного и дискредитирующего власть и политические силы характера в информационное пространство;
- активная работа с соцсетями, включая создание тематических групп, троллинг действий руководства страны-жертвы, активная работа ботов;
- нелегальная поддержка ирредентистских и сепаратистских сил на территории соседнего государства в виде грантовой поддержки местных НПО, созданных под решение задач следующего уровня;
- создание и поддержка парамилитарных групп, регулярно проходящих сборы с идеологической, политической и специальной подготовкой на территории сопредельного государства.
- установление контактов и сотрудничества между субъектами из страны-агрессора и маргинализированными группами на территории потенциальной страны-жертвы: недовольными действующей властью бизнесменами,

собственниками и топ-менеджментом градообразующих предприятий, оппозиционерами на денежной основе.

Оранжевый уровень:

- коррумпирование местных органов власти и правоохранительных органов, владельцев крупных предприятий, которые при поступлении сигнала активно включатся в сотрудничество с представителями страны-агрессора или будут выполнять указания «кураторов»;
- усиление активности военной разведки сопредельного государства на территории соседа;
- установление дискриминационных торговых режимов для основных экспортных товаров и услуг соседнего государства, создание трудностей по импорту критических товаров (энергоресурсы) от которых зависит экономика соседа;
- концентрация вооруженных сил и средств в ближней зоне, проведение военных учений в непосредственной близости от границы;
- резкая активизация НПО, оппонировавших власти и призывающих «не словами, а делами» решать проблемы.

Красный уровень:

- массированная информационно-психологическая кампания в СМИ сопредельной страны, направленная на защиту соотечественников и предупреждающая правительство соседней страны о последствиях с одновременным призывом к собственной власти «принять меры»;
- проведение НПО массовых мероприятий под антигосударственными лозунгами;
- появление отрядов самообороны, казаческих подразделений, частных военных формирований;
- локальные отключения от эфира государственных телевизионных каналов, замена их телеканалами страны-агрессора;
- появление неидентифицируемых милитарных групп («зеленых человечков»).

Стоит вспомнить упоминавшегося выше Е. Месснера: «Террор и партизанство – главные оружия в этой войне. Террор – это война, это военная стратегия... Террор становится безграничным»³².

Границей перехода гибридной войны в конвенциональную является открытое массированное применение регулярных вооруженных сил страной агрессором, которое до определенного времени скрывалось и отрицалось.

³² Месснер Е. Мятаж - имя Третьей Всемирной. - Буэнос-Айрес, 1960.



Депутат Государственной Думы, верховный атаман Союза казацких войск России и зарубежья Виктор Водолацкий: «...Добровольцы, которые сегодня по родовому признаку, по зову крови, прибывают на Юго-Восток, выходцы не только из Казахстана, Киргизии, Белоруссии, Болгарии, казаков разбросало по всему миру. Только в 38 странах мира у нас работают мощные землячества не только донских, но и кубанских казаков, и эти добровольцы сейчас прибывают на территорию войска Донского, чтобы помочь своим братьям по крови...»

<http://novorus.info/news/rusmir/24432-kazaki-so-vsego-mira-speshat-na-pomosch-novorossii.html>

3.2. Некоторые механизмы пресечения и противодействия

В классической войне главным средством достижения целей является применение регулярных вооруженных сил, остальные виды воздействий на противника имеют соподчиненный характер. Действия России против Украины корректно было бы именовать «агрессией гибридного типа» или «гибрессией», где использование вооруженных сил происходит в маскируемой форме – под видом формирований добровольцев, казаков, ополченцев. Параграф g) Статьи 3 «Определения агрессии», утвержденной Резолюцией №3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года, определяет актом агрессии не только действие вооруженных сил одного государства против другого, но и четко указывает, что к этому относится: **«засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников,**

которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства...»³³. Это именно то, что делает Россия против Украины.

Случай гибридной агрессии РФ против Украины, а также подозрение западных соседей в наличии планов по смещению режима А. Лукашенко в Белоруссии, привело к достаточно быстрому переосмыслению реалий современного мира и внесению изменений в национальный закон "О военном положении". Сущность новации – превентивные меры по недопущению разворачивания гибридной войны. Военное положение может быть введено в Беларуси и без официального объявления ей войны какой-либо страной. В силу закон вступил с 1 февраля 2015 года. Установлен ряд индикаторов.

Военной угрозой признается не только концентрация вооруженных сил другого государства (других государств) вдоль государственной границы, возникновение очагов вооруженных конфликтов, проведение в другом государстве мобилизации, но и «иная деятельность другого государства (других государств), экстремистских, в том числе террористических, организаций, расположенных на территории другого государства (других государств), включая заявления и демонстрацию силы, осуществляемые в нарушение Устава Организации Объединенных Наций и указывающие на подготовку к нападению».

Нападением, независимо от объявления войны другим государством, признается любое из следующих действий:

- засылка другим государством (другими государствами) или от имени другого государства (других государств) на территорию Республики Беларусь вооруженных банд (групп), иррегулярных сил, наемников или подразделений регулярных войск, применяющих вооруженную силу против Республики Беларусь;
- иные действия, связанные с применением другим государством (другими государствами) вооруженной силы против независимости, территориальной целостности, суверенитета и конституционного строя Республики Беларусь каким-либо другим способом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций³⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что Минск достаточно удачно использовал имеющиеся критерии определения агрессии в качестве индикатора начала скрытого использования военного компонента. Но это относится к концептуальным подходам на доктринальном уровне. Что можно представить в практической плоскости с учетом российской стратегии и тактики ведения гибридной войны? Особенно следует учесть, что гибридная агрессия

³³ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml

³⁴ <http://pravo.by/main.aspx?guid=12551&p0=H11500244&p1=1&p5=0>

совершается внешней силой, активизирующей и подпитывающей внутренний конфликтогенный потенциал страны-жертвы, а также с учетом того, что такие международные институты как ООН, ОБСЕ, ПАСЕ являются медлительными, неэффективными и не способными действовать в алгоритме «предупреждения конфликта». Ниже приведенный перечень не является исчерпывающим, но отражает основные позиции по отражению гибридной агрессии.

1. Быстрое приведение в соответствие с внутригосударственной процедурой Органа координации действий (Совет безопасности или другой орган, предусмотренный Конституцией страны) в военное положение (без введения военного положения в стране на этапе появления угроз Оранжевого уровня), что должно быть предусмотрено автоматически на доктринальном уровне (Стратегия национальной безопасности, Военная доктрина).
2. Быстрое и жесткое реагирование внутри страны:
 - усиление контроля финансовых потоков с целью выявления и ликвидации каналов финансирования сил, выступающих агентами влияния страны-агрессора;
 - введение ограничений на деятельность СМИ, и прежде всего, с капиталом из страны-агрессора, с целью воспрепятствовать разворачиванию информационно-психологических операций в медиа-пространстве объекта агрессии;
 - усиление контроля средств электронных коммуникаций (е-почта, мобильная и стационарная телефонная связь), мониторинга социальных сетей;
 - прекращение деятельности отдельных неправительственных организаций, служащих платформой для внутренней дестабилизации;
 - интернирование лидеров сепаратистских группировок;
 - усиление контрразведывательной деятельности и реализация комплекса противодиверсионных мероприятий;
 - проведение специальных мероприятий по нейтрализации лидеров незаконных вооруженных формирований в случае их появления.
3. Закрытие границы с государством-агрессором, ее огневое усиление, переброска сил и средств регулярных вооруженных сил на атакоопасные направления.
4. Усиление кибер-защиты органов госуправления, стратегических предприятий, вооруженных сил.
5. Усиление защиты критической транспортной и энергетической инфраструктуры.
6. Апеллирование к международным институтам ООН, ОБСЕ (хотя это не принесет ожидаемого эффекта, но тем не менее должно быть выполнено с целью доведения неискаженной враждебной пропагандой оценки происходящего до мирового сообщества).

7. Асимметричные действия по отношению к агрессору на его территории или территории третьих государств, где присутствуют его интересы
8. Медиа-противодействие в мировом информационном пространстве.
9. Запрос внешней помощи от потенциальных союзников.

Уже на начальном этапе важно добиться максимизации ущерба и потерь противника, чтобы резко увеличить «цену победы» сверх рассчитанного противником уровня до неприемлемой для агрессора величины.

Если брать в рассмотрение гипотетические варианты пресечения гибридной агрессии России против Украины, то они могли бы иметь место в асимметричном исполнении со стороны США при условии наличия в Вашингтоне политической воли выполнить свои обязательства по гарантиям безопасности Украины, вытекающие из Будапештского меморандума. Однако, в ГШ ВС РФ в феврале 2014 года были **уверены** в том, что реакция США на аннексию Крыма и сепарацию юго-востока Украины, **будет исключительно невоенной**. Базовыми индикаторами для Кремля были как события 11-12 июня 1999 года, когда российский батальон ВДВ захватил аэропорт «Слатина» в Приштина (Югославия), не допустив туда британцев, так и события 2008 года в Грузии. НАТО и США не отважились оказать вооруженный отпор. В Генштабе России были уверены, что и в случае с Украиной все будет так же, как было в Приштине, и в Грузии.

США – единственная страна, которая гипотетически могла бы, предупредив Россию о последствиях, развязанной ею гибридной агрессии, прибегнуть к **асимметричным действиям**, направленным на ее сдерживание посредством военных, но бесконтактных и бескровных способов через дезорганизацию систем управления и связи российскими войсками.

США и Запад в целом не смогут остановить Россию без применения жесткой силы, поскольку Москва уверена, что Запад у этому никогда не будет готов, подтверждением чего для них является Сирия. Чем раньше США начнут жесткие действия в отношении России, тем раньше и с меньшими потерями удастся выйти из кризиса и не допустить его трансформации в войну на Ближнем Востоке и в Европе.

4. Внешний вектор военно-энергетической экспансии РФ

Пределы агрессии РФ определить сложно, но спустя два года после начала крымской аннексии, понятно, что Украиной аппетиты Кремля не ограничиваются. *«Пределы путинской военной интервенции зависят в большей мере от его целей. Если целью есть расширение российского мира – потенциальными жертвами могут стать Беларусь и Казахстан...Если целью Путина есть недопущение выхода стран Восточного партнерства из орбиты влияния РФ – под угрозу попадают Молдова и Грузия...Наконец, если целью Путина есть уничтожение Запада, подрыв доверия до НАТО или воссоздание СССР, тогда под угрозой оказываются страны Балтии»*³⁵ - это достаточно точная, хотя и неполная, оценка Маргариты Шешелгиты из Института международных отношений и политических наук Вильнюсского университета. Наиболее полную оценку действиям РФ против Украины из европейских лидеров дает только президент Литвы Д. Грибаускайте, констатируя, что «путинская Россия сегодня готова и жаждет войны. Европа и Запад к войне не готовы и не хотят ее»³⁶, «если его (Путин – прим. наше) не остановят в Украине, он пойдет дальше»³⁷, «Украина, находясь в конфликте с Россией, защищает не только свою территорию, но и всю Европу и ее ценности»³⁸

Конечно, общий потенциал экспансии России, учитывая размер ее ВВП, не соответствуют ее амбициям. Российские эксперты выставляют максимальную планку расширения влияния РФ: «Задача России как одного из основных сухопутных полюсов в Евразии сводится к максимальному расширению своего влияния на те зоны, которые лежат между ее сухопутной территорией и акваторией, омывающей евразийский материк, максимально интегрировав их в стратегическом и экономическом плане»³⁹. Это не под силу России. Однако, можно предположить, что основная ставка делается не столько на механизмы завоевания и покорения, сколько на «самоподчинение» стран Евразийского материка новому «полюсу мира» под воздействием эффекта «зеленых человечков» для одних (постсоветское пространство) и ресурсной притягательности России для других (Евросоюз). Ставка делается на политику, которую можно назвать георезонансной перестройкой миропорядка, установившегося не только после холодной войны, но и со времен после Второй мировой. Поэтому Кремль пошел на нарушение норм международного права, принципов Хельсинкского заключительного акта СБСЕ, Парижской Хартии и других документов. Расчет делается на принцип «делай, как я», то

³⁵ <http://www.europeanleadershipnetwork.org/can-hybrid-war-become-the-main-security-challenge-for-eastern-europe-2025.html>

³⁶ <http://inosmi.ru/world/20140926/223252898.html#ixzz3JAI486f9>

³⁷ Там же

³⁸ http://24tv.ua/home/showSingleNews.do?ukraina_zashhishhaet_ne_tolko_svoyu_territoriyu_no_i_vsyu_evropu_g_ribauskaite&objectId=482534&lang=ru

³⁹ Смирнов А. М. Сравнительный анализ энергетической дипломатии РФ и Европейского союза, «Сравнительная политика», 2 (15) / 2014

есть поведение России породит цепную реакцию подобных шагов со стороны других игроков. Мартовские 2014 года «Письма Жириновского» являются тому подтверждением. Действия России по аннексии Крыма должны, по замыслу Кремля, привести к действиям, например, Румынии и Венгрии по защите своих соотечественников в Украине через оккупацию территорий компактного проживания национальных меньшинств. Армению, Азербайджан и Сербию это должно стимулировать к восстановлению исторической справедливости, как они ее понимают в контексте Нагорного Карабаха и Косово. Таким образом, те, кто выступает за соблюдение принципов Хельсинки, станут волей-неволей их разрушителями, играя на стороне России. Действие такой политики сродни действию вируса – возможно, сработает не сразу, но инфекция занесена. Дальше вирус начнет размножаться и это приведет к ситуации «войны всех против всех», на фоне которой Россия будет выглядеть островом стабильности и арбитром в решении конфликтных вопросов. Главное препятствие для успеха срабатывания данной «вирусной программы» - треснувшая, но все еще сохраняющаяся трансатлантическая солидарность Европы и Америки.

Европейские аналитики склонны считать, что гибридная война в том виде, в котором она реализуется Россией против Украины почти невозможна в отношении стран ЕС и НАТО: *«Для таких стран как Украина гибридная война представляет собой ощутимую угрозу, но для большинства европейских стран она несет меньшую опасность. Такая тактика хорошо сработала на востоке Украины, так как сложно себе представить более благоприятные для этого условия: оспариваемое, пассивное или даже отсутствующее чувство украинского самосознания, отчужденность от новой власти в Киеве, массивное военное присутствие российских войск и разведывательных подразделений в Севастополе, а также доминирование пророссийских информационных агентств. Исходя из таких предпосылок, для России это было не просто легко, а практически не требовало никаких усилий. Однако, такие условия вряд ли можно будет повторить в подобном масштабе где-нибудь в другом месте»*⁴⁰. С одной стороны, это действительно так. Страны ЕС и НАТО, как правило, имеют более монолитные общества даже если речь идет о полиэтничности и многоконфессиональности, не говоря уже о таких мононациональных и моноконфессиональных странах как Польша или Венгрия. Однако, в таком анализе не учитывается возможность креативных подходов к искусственному провоцированию, созданию и скрытой внешней подпитке внутренних конфликтов. Как раз описанное выше применение ЛЦП и

⁴⁰ Hybrid tactics: neither new nor only Russian by Nicu Popescu. EU Institute for Security Studies, 2015.

For countries like Ukraine, hybrid warfare is a tangible threat, but for most European states it poses less of a danger. Such tactics worked so well in parts of eastern Ukraine because it is hard to imagine a more favourable ground: a contested, passive or near-absent sense of Ukrainian identity, estrangement from the new authorities in Kiev, a large-scale Russian military and intelligence presence in Sevastopol, and the domination of Russia-based media outlets. Due to this climate, for it was not just easy for Russia; it was almost effortless. Such conditions, however, are unlikely to be replicated on a comparable scale elsewhere.

служит базисом для разворачивания в дальнейшем внутреннего конфликта, энергия которого затем используется внешним агрессором, маскирующимся под непричастную нейтральную сторону или даже миротворца, занимая при этом позицию всесторонней поддержки «своей» стороны конфликта. С другой стороны, действительно, **гибрессия Путина может быть трудно применима для отдельно взятой страны ЕС, но легко применимым для развала ЕС в целом, как весьма разнородного и раздираемого противоречиями альянса.**

Страны Европы полны различных конфликтогенных зон. При соответствующей кропотливой и долгосрочной работе с креативными подходами и наличием соответствующего финансового, разведывательного, интеллектуального потенциала, будет вопросам времени создать предпосылки для внутреннего конфликта в той или иной стране с последующим гибридным вторжением в нее. Более того, можно предположить, что работа над созданием таких предпосылок ведется уже сейчас. Ставка может делаться на «крекинг» локальных общин путем использования критических настроений в местах компактного проживания мигрантов.

Податливыми для «гибридного крекинга» внутриевропейских отношений могут быть территории, исторически имеющие конфликтогенный потенциал для двусторонних отношений. Можно привести несколько примеров: Румыния – Трансильвания – Венгрия, Литва – Вильнюс – Польша и др. Это только кажется, что конфликты ушли в историю. На самом деле, они являются своеобразными спящими вулканами. Мощный тектонический удар, который был нанесен Россией по международному праву и разрушивший мир, базирующийся на Хельсинки-1975, может стимулировать конфликтогенный потенциал и вызвать цепную реакцию. Мы не ставим целью описывать возможные сценарии потенциальных гибридных войн, потому что это не является предметом данного исследования. Для нас это важно в контексте определения возможных вариантов дальнейших действий Кремля.

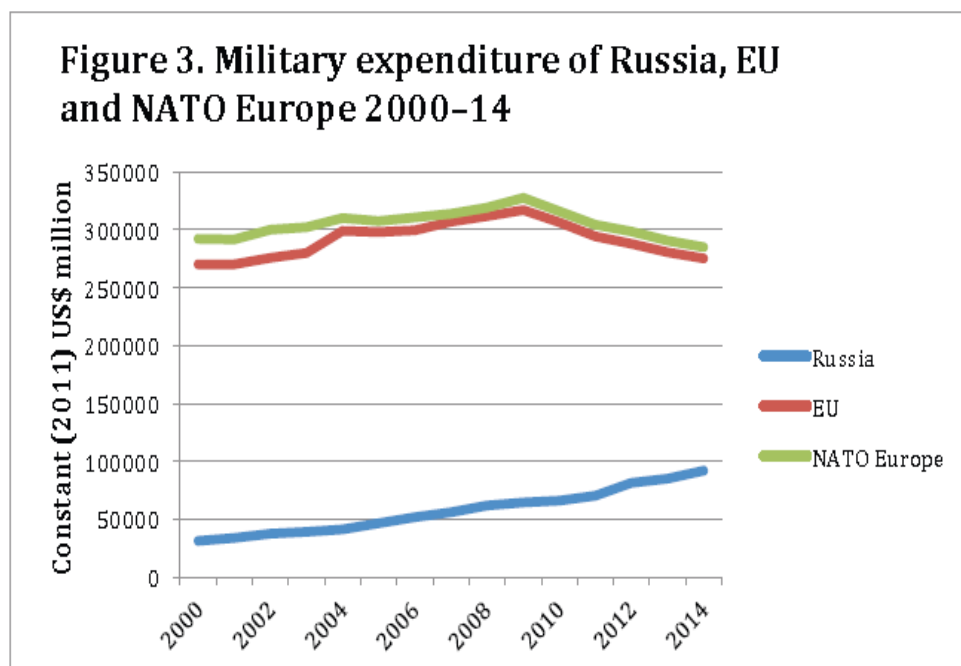
Сейчас базовый вариант действий России против Европы связан с ближневосточным «генератором миграции», который выведен на полную мощность российской интервенцией в Сирию. Наплыв «миграционных волн» в Европу, мощность которых напрямую коррелируется с дестабилизацией Ближнего Востока, показал, что такой подход может принести неплохие для Кремля результаты. Россия здесь работает против ЕС методами крипто-войны. «Миграционные волны» весьма привлекательны для засылки в Европу специально подготовленных «мигрантов». То же касается и «туристов» со специальной подготовкой. Технологический уровень и техническая оснащенность современного терроризма резко возрастает. Пока что резонансные террористические акции хотя и носят массовый характер (11 сентября 2001 г. в США, 13 ноября 2015 г. во Франции), но они имеют локальные очаги воздействия. На подходе могут быть сценарии применения

средств массового поражения с одновременной медиа-мультипликацией. Например, заражение химическими, бактериальными или радиоактивными материалами систем городского водоснабжения в крупных агломерациях, что станет причиной не только для паники, но и миллионных миграций населения с потенциально загрязненных территорий с соответствующим хаосом в масштабах той или иной страны. Учитывая компактные размеры большинства европейских стран, это может привести к коллапсу системы госуправления. Такие технологии вполне соответствуют концептуальным подходам ведения гибридных войн в части касающейся неавторизованного применения ОМП.

5. Прогрессирующая гибрессия

Главный вектор усилий Кремля достаточно хорошо просматривается. Изучение материалов прокремлевских аналитиков позволяет сделать вывод о том, что одной из главных целей России есть раскол трансатлантического партнерства и солидарности, репозиционирование Европы в сторону России во имя создания так называемого общего пространства безопасности и торговли от Лиссабона до Владивостока и от Санкт-Петербурга до Коломбо без участия США.

Чтобы определить, что будет делать путинская Россия, необходимо понять российскую систему координат, в которой принимаются решения стратегического порядка. «Россия – самодостаточная страна» - это многозначительная констатация В. Путина из его недавней Валдайской речи. «Россия намного сильнее, а Запад намного слабее, чем многие воображают. ... Наша страна находит сейчас свое место в мире. Сравните советские вооруженные силы, неуклюжие и дорогостоящие, с подвижными и гибкими вооруженными силами современной России», - это оценки одного из ведущих российских политологов С. Караганова, являющего одним из творцов современной путинской политики.

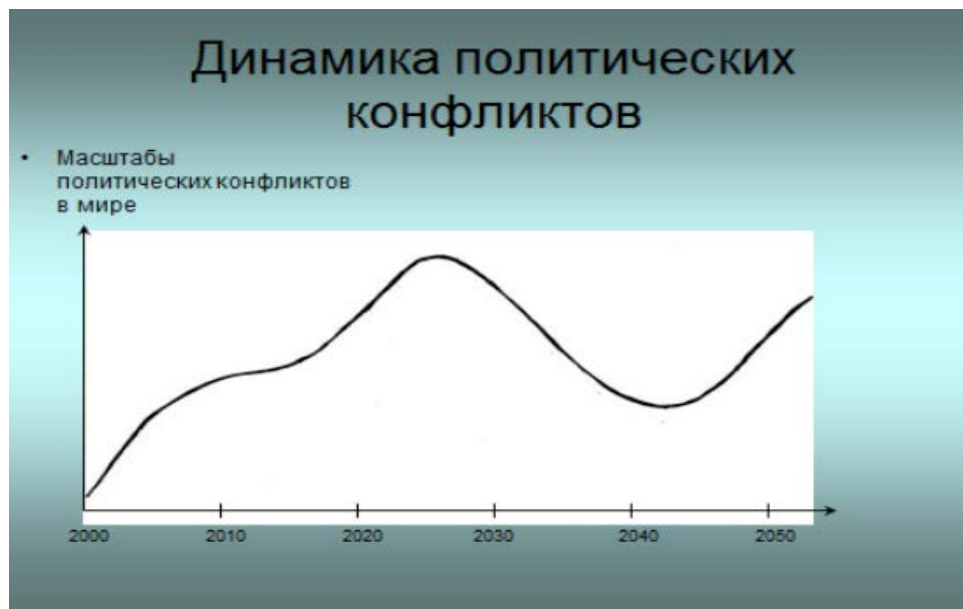


<http://www.sipri.org/media/website-photos/milex-media-backgrounder-2015>

Подготовка правящей элиты России к возможному конфликту с Западом активизировалась, начиная с 2013 года. Негласное решение о готовности к этой конфронтации было принято в рамках неформальных консультаций членов «Политбюро 2.0»⁴¹ - круга наиболее приближенных к В. Путину лиц из числа

⁴¹[http://www.minchenko.ru/netcat_files/File/Politburo%20in%20Russia%20after%20the%20annexation%20of%20the%20Crimea%20text\(1\).pdf](http://www.minchenko.ru/netcat_files/File/Politburo%20in%20Russia%20after%20the%20annexation%20of%20the%20Crimea%20text(1).pdf)

силовиков, членов его администрации и олигархов. В рамках прогнозов кремлевских аналитиков, 2015-2018 годы будут периодом крупных региональных военных конфликтов.



«С точки зрения циклов мирового экономического и политического развития, период 2014-2018 гг. соответствует периоду 1939-1945 гг., когда разразилась Вторая мировая война», - так считает С. Глазьев, являющийся еще одним из творцов путинской политики. Естественно, что в рамках этих подходов Россия является объектом агрессии со стороны Запада. По мнению того же С. Глазьева США хотят заместить российский газ в Европе своим, а также заполучить месторождения сланцевого газа в Украине и отобрать у России рынок ядерного топлива.

Анализ ряда материалов российских экспертов показывает, что в отличие от периода перед Второй мировой войной, когда СССР готовился к отражению нападения Германии (используем официально принятую в РФ точку зрения на события), сейчас Россия готова действовать превентивно. Более того, она уже начала это делать. Как мы уже отмечали выше, начало гибридной войны незаметно. Заметным оно становится после введения в действие военного компонента в явной или замаскированной форме.

Все это указывает на то, что Кремль готов к новой наиболее масштабной волне геополитической экспансии, базируясь на силе России (в том числе вооруженной) и слабости Запада. Собственно, эта экспансия в тестовом режиме была начата в августе 2008 года с 5-дневной войны против Грузии. В 2014-м она продолжилась. Считается, что в России есть уникальное окно возможностей пока президентом США является Б. Обама и Вашингтон перегружен проблемами Ирака, Афганистана, Сирии. Некоторые российские

think tanks, специализирующиеся на США и Канаде в 2013 году сделали закрытую оценку для Кремля. Суть ее – США времен президентства Б. Обамы во внешнеполитическом отношении слабы как никогда. Высока вероятность, что следующий президент США будет уровня Рональда Рейгана и вернет стране роль глобального playmaker. НАТО, исходя из проблем США и Европы окажется неработоспособным инструментом Запада. Поэтому Россия имеет уникальный шанс воспользоваться слабостью США, ЕС и НАТО. Демонстративное игнорирование западных санкций, подготовка контрсанкций, отрицание вооруженного вторжения в Украину одновременно с демонстрацией ядерной мощи, являются подтверждением того, что Россия не намерена останавливаться. По нашей гипотезе Кремль готовит для США и Запада новый «карибский кризис». Регион Карибов здесь будет ни при чем. В Кремле считают схему «карибского кризиса» идеальной для получения стратегических уступок от Запада. Неудача в достижении цели объясняется плохим менеджментом конфликта со стороны Н. Хрущева. При этом замысел Кремля будет иметь неожиданное для Запада ноу-хау.

Скрытная доставка к немецкому побережью ядерных боезарядов суммарной мощностью в несколько мегатонн создаст для Кремля так называемый «обменный фонд» по аналогии с событиями Карибского ракетного кризиса 1962 года. Стоит воспользоваться описанием «идеи Хрущева», изложенной в книге-исследовании «Кузькина мать», написанной офицером ГРУ ГШ ВС СССР Виктором Суворовым (Владимиром Резуном):

«Итак: для чего же ракеты на Кубе?»

Ответ прост: для решения проблемы Берлина и Германии в целом.

Замысел заключался в том, чтобы в сентябре и октябре 1962 года тайно развернуть мощную группировку советских войск на Кубе, перенасыщенную ядерными боеприпасами. А 12 ноября 1962 года товарищ Хрущёв должен был прибыть на Кубу с официальным визитом. Разумеется, на крейсере. И должен был подписать договор с Кубой о размещении советских войск на этом благодатном острове. И объявить всему миру: вон сколько тут у нас всего! А в Советском Союзе — и того больше! Если у вас, господа, такое соседство вызывает беспокойство, давайте меняться: вы выводите американские войска из Западной Германии (а заодно — британские и французские), мы выводим свои с Кубы. А иначе...

...164 заряда и носители к ним — это обменный фонд, материал для того, чтобы выторговать вывод американских и союзных им войск из Западной Германии, а то и из всей Европы»⁴².

⁴² [http://www.e-reading.link/bookreader.php/1005708/Suvorov -
Kuzkina mat. Hronika velikogo desyatiletia.html](http://www.e-reading.link/bookreader.php/1005708/Suvorov_-_Kuzkina_mat._Hronika_velikogo_desyatiletia.html)

Современный замысел Кремля может состоять в том же – создать задел для стратегического торга с США. Суть его, весьма вероятно, сведется к ультиматуму по уходу США из Европы и перехода ее в зону влияния России с соответствующими изменениями в архитектуре ЕС и роспуске НАТО. Ноу-хау – в безупречной маскировке доставки ядерных боезарядов для «Часа «Ч». Своеобразное «гибридное применение» ядерного боезаряда без традиционной доставки носителем, а нетрадиционным способом с использованием невоенной инфраструктуры. Пока все внимание НАТО и ЕС привлечено к провокативным полетам российской стратегической авиации и ее перехватам, учебным пускам ракет-носителей, походам ПЛАРБ к берегам США, на самом деле, доставка может быть осуществлена незаметно. После этого последует ядерный ультиматум, причем не стороны официальной России, а от некоей «третьей силы», получившей в свое распоряжение ядерное оружие и стремящейся «справедливо переустроить мир», требуя ухода США из Европы. По логике Кремля – Европа капитулирует немедленно и даже будет требовать от США быстрее ухода. ЕС будет готов подписать любые документы. Потому что Европа – это, прежде всего, Германия.

Косвенно на наличие некоторых атомно-оружейных секретов России намекнул вице-премьер правительства России Д. Рогозин 22 сентября 2014 г.: "Надо ли удивлять наших коллег и всеми ли видами оружия надо бряцать, чтобы их удивить? Кое-что надо сохранить в тихой тайне, для себя, и удивить в самый критический момент"⁴³. В. Путин также намекал о некоторых неприятных «сюрпризах» для «наших западных партнёров»⁴⁴.

Можно только предполагать какие это могут быть «сюрпризы». Нельзя исключать варианта анонимного, неавторизованного применения маломощных ядерных боезарядов, что также может стать новацией в технологиях гибридной войны в части использования оружия массового поражения. Лучшее прикрытие для подобных действий – акция неизвестной исламистской группировки, которая получила в свое распоряжение ядерные материалы и сумела создать «оружие возмездия».

В одном из прошлогодних докладов Исследовательской службы конгресса США отмечалось, что Пакистан является убежищем для нескольких террористических группировок. В докладе также отмечается, что гипотетическая возможность боевиков завладеть ядерным оружием, технологиями и материалами из Пакистана вызывает большую озабоченность со стороны США⁴⁵. Исламское государство в прошлом году заявляло, что может получить в ближайшие 12 месяцев ядерное оружие из Пакистана, -

⁴³ http://ria.ru/defense_safety/20140922/1025064295.html#ixzz3RBTfueBC

⁴⁴ <http://www.segodnia.ru/content/148485>

⁴⁵ <http://ria.ru/world/20150528/1066908778.html>

очевидно, используя бизнес, близкий к коррумпированным пакистанским чиновникам. Еще в 2008 году американские эксперты пришли к выводу, что через пять лет вероятность теракта с использованием ОМП станет выше 50% (прежде всего, они базировали свои оценки в контексте «ядерного супермаркета Абдул-Кадыр Хана»⁴⁶ - творца пакистанской ядерной бомбы, который активно торговал секретами, материалами и технологиями производства атомного оружия). Вывод западных экспертов достаточно однозначен – доступ экстремистов к ОМП — лишь вопрос времени, и его применение где угодно и против кого угодно зависит от характера, склада ума, психологии группировки. Кстати, российские СМИ эту тему в последнее время не обходят вниманием.

Объектом анонимной ядерной атаки может стать, к примеру, крупнейший в Саудовской Аравии (и в мире) нефтеэкспортный терминал Рас-Танура. Почти 3/4 саудовского нефтеэкспорта проходит через этот терминал мощностью в 300 млн. тонн перевалки в год. Если происходит подрыв ядерного боезаряда, причем, сравнительно небольшой мощности, то этого будет достаточно не только для долгосрочного вывода из строя терминала, но и обрушения нефтяного экспорта королевства, а также стремительного возврата глобального рынка к росту цен. Самое главное здесь – долгосрочный характер последствий – терминал не удастся восстановить быстро после ядерной атаки. Нефтяной рынок отреагирует активно и будет сохранять как минимум повышенный уровень цены, если фактор влияния будет долгосрочным. Это то, что и нужно Кремлю. Понятно, что «исламская атомная бомба» здесь будет не при чем, ею просто прикроется пропаганда Кремля, придумав искусно какую-нибудь неизвестную ранее исламскую террористическую группировку, совершающую месть во имя Аллаха. Причем, эта «гипотеза» может быть запущена через западные СМИ, а не Russia Today. На самом деле модифицированный ядерный боеприпас может быть доставлен на терминал одним из подразделений сил специального назначения, подготовленных для такого рода действий. Это тоже одна из технологий ведения войн нового поколения с использованием гибридных механизмов, когда быстро вычислить актора не удастся, а следовательно – не удастся быстро отреагировать, а тем более нейтрализовать последствия. В отличие от рынка, реакция которого будет немедленной.

⁴⁶ <http://www.dw.com/ru/%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%B1%D0%BE%D0%BC%D0%B1%D0%B0/a-1116773>

6. О необходимости принуждения агрессора к миру.

Брисбен-2014, Мюнхен-2015 и Мюнхен-2016 показали, что Запад оказался не способен перейти к превентивным действиям по сдерживанию России. Политика Запада по-прежнему реактивна. Более того, Кремль получает все чаще и чаще сигналы о возможности отмены санкций, если Россия изменит свое поведение, о безальтернативности диалога и т.п. Это очередной стратегический промах Запада, потому что подобные подходы Москва воспринимает как проявления слабости и косвенные подтверждения правильности избранной ею стратегии и тактики.

Целесообразными, необходимыми и возможными представляются асимметричные действия, исключаящие военный компонент со стороны Запада. Гибрессия России против Украины идентифицируется ЕС и НАТО, а также ведущими странами G7, как агрессия в соответствии с определением ООН 1974 года. Такая классификация позволяет более жесткие ответные действия в отношении российских государственных субъектов за рубежом:

- арест имущества за рубежом в рамках компенсаций по «делу ЮКОСа», штрафные санкции для «Газпрома» за злоупотребление монопольным положением на рынках ряда стран ЕС;
- отключение российских банков от международной межбанковской системы коммуникаций и платежей SWIFT (по аналогии с тем, как это было сделано в отношении иранских банков в 2012 году);
- распространение санкций на сферу торговли нефтью, нефтепродуктами, газом и углем.

Последние две позиции чрезвычайно важны для эффективного сдерживания агрессии. Министр экономического развития России Алексей Улюкаев заявлял в середине сентября 2014 г., что не верит в то, что Россия будет исключена из SWIFT. "Это, я бы сказал, военные действия на самом деле", - заявил министр. При этом российский министр отметил, что Россия должна быть готова и к маловероятным сценариям⁴⁷. Также Москва не верит, что ЕС ограничит импорт углеводородов из России, поскольку они исключены в результате усилий бывшего еврокомиссара Г. Эттингера из режима санкций. Таким образом, Запад должен прилагать усилия на тех направлениях, которые является чувствительными для России, а не на тех, которые причиняют ей дискомфорт, но не только не в состоянии остановить ее агрессию, а наоборот стимулируют ее. Выход Ирана из-под режима санкций, наличие профицита добывающих мощностей в Саудовской Аравии дает Европе благоприятную возможность

⁴⁷ http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/10/141006_swift_russia_refusal

Центр глобалистики «Стратегия XXI»

заместить в значительной степени российские поставки нефти. Существуют и другие механизмы принуждения, которые обладают не меньшей сдерживающей силой и укладываются в формулу гибридного ответа России со стороны негосударственных акторов. Если взять в основу энергоцентричный подход и гибридные технологии ведения войны, то главные риски для агрессора – это его внутренние риски, которые трансформируются в угрозы его самодеструкции при использовании внешними акторами «крекинг»-технологий.

РФ не остановится в своих экспансионистских действиях, как она не остановилась после военной агрессии в Грузии и спустя 6 лет начала агрессию против Украины. Европу ожидают новые, тщательно замаскированные конфронтационные шаги Москвы на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, на Каспии, Южном Кавказе, на Балканах, в странах Балтии, в западной Арктике. И даже в Белоруссии – везде, где есть стратегические коммуникации и энергетические ресурсы, которые могут нарушить доминирующие позиции России. Не исключен силовой вариант действий России против других стран, несмотря на ее экономические трудности. Реально ЕС и НАТО будут еще более беспомощны в будущем, если не остановят гибридную агрессию России против Украины и ее вторжение в Сирию на этом этапе.



**Гибрессия Путина.
Невоенные аспекты войн нового
поколения**

**Фрагменты исследования
Центра глобалистики «Стратегия XXI»
в рамках проекта «Антарес»**

Руководитель проекта – Михаил Гончар, президент Центра

*При финансовой поддержке International Renaissance Foundation.
Высказанные в издании мнения являются авторскими
и не обязательно отражают взгляды IRF*



© Центр глобалистики «Стратегия XXI»

Копирование материалов в некоммерческих целях приветствуется.

Ссылка на авторов и вебсайт <http://geostrategy.org.ua> обязательны.

